

Границы ДОСТОИНСТВ

16+

Марина Алант

Марина Алант

Границы достоинств

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40497585

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-532-10701-4

Аннотация

Две девочки-подростка, одна рожденная в браке, другая – ненужный результат несостоявшегося плана матери, не знают о том, что они родные сестры. Тайные манипуляции с момента рождения одной из них приведут к невероятной путанице в судьбах многих людей и шокирующему финалу. Обе вливаются в мегаполис и порознь идут по жизни, обжигаясь и закаляясь в хаосе “девяностых”. Одна из них вовлечена в криминал. Другая овладевает искусством головокружительного успеха. Сестры встретятся и встанут на путь рискованных афер. Все коварней и изощренней будут их выдумки, все сильнее – наслаждение и азарт!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	31
Глава 4	45
Глава 5	63
Глава 6	78
Глава 7	91
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Возможно всё, пока выбор не сделан.

Жако Ван Дормель. Господин Никто
(фильм-лауреат 6-го Венецианского кинофестиваля)

Мы именно те люди, которые сами определяют свою судьбу! Мы из тех, кто не верит в господство рока или случая! Мы принимаем карты, выданные жизнью, играем ими и срываем наибольшие ставки! Мы укрощаем любую превратность, какой норовистой она ни была бы!

И только одно нам не дано изменить. Куда бы ни несли нас крылья непоколебимой веры в себя, неразлучно пребывает рядом непокорная, невидимая до поры истина, которая заключается в том, что однажды посеянные пороки неизбежно когда-нибудь взойдут.

М.А.

Многие истории, описанные в книге, основаны на реальных событиях.

Глава 1

Сель ползла под ноги ленивой змеёй. Девушка вынырнула из-под козырька автобусной остановки под уставшее плакать небо. Пожалев новые туфли, сняла их и погрузила босые ступни в тёплую жижу. Свернув с дороги на тропу, распустила мокрые волосы. Отдалась жаркому плену солнца. Кузнечики пели знойно, потягивающе. Козы смешно перескакивали с выступа на выступ. Пылал воздух в ковролиновом омуте гор. Вдали игрушечно звенел невидимый родник. Грязь на ступнях высохла и тянула кожу.

– Послушайте!

Она вздрогнула, обернулась. Туфли шлёпнулись в траву.

Незнакомец был чем-то обеспокоен. Волосы слегка взлохмачены и влажны, рубашка застёгнута лишь на нижнюю пуговицу. На открытой груди капли влаги. Под загаром – кожа не южанина.

– Простите, я вас напугал...

Его озабоченность отступила, глаза заблестели, как блестили у каждого, кто ловил взгляд красавицы. Впрочем, она к этому привыкла.

– Я отстал от группы. Теперь не знаю, как добраться до города. Здесь ходят рейсовые автобусы?

Девушка кивнула.

– А где остановка?

Она молча протянула руку, указав в исток тропы.

– Спасибо...

Незнакомец немного потоптался на месте, словно жалея о том, что встреча мимолётна, и медленно вполюборота поплёлся в указанную сторону.

– Автобуса не будет.

– Что?

– До вечера автобус не пойдёт.

– Почему?

– Селевый поток сошёл на дорогу.

Он как будто обрадовался. Вернулся.

– А что же делать?

Девушка пожалала плечами, но уйти не смогла. Его – растерянного стало жаль.

– Скажите, здесь где-нибудь можно перекусить? Я плутаю уже полтора часа и очень голоден.

Она поразмыслила.

– Пойдёмте со мной.

Он послушно двинулся за ней следом, молчаливой, черноволосой, диковатой. И лишь когда приблизились к селению, девушка обернулась.

– Подождите здесь.

– А вы?

– Принесу вам еду.

– А почему нельзя с вами? Я бы с удовольствием...

Он игриво улыбнулся. Но строгая ниточка её губ даже не

дрогнула в ответ. Девушка молча удалилась, дав понять, что кокетничать не намерена. И эта странная диковатая скромность незнакомки парня задела. Он с интересом вглядывался в её фигурку, вычерченные влажной тканью линии бёдер. Потом расположился в тени. Время медленно пробиралось сквозь гущу жары...

Она явилась как сон, как видение, вызванное чуженебесным маревом. Он вздрогнул, внезапно почувствовав во сне её присутствие. Открыл глаза. Она стояла недвижимо. В другом платье. С косынкой на голове, прячущей спутанные змейки волос.

– Простите, я уснул.

Она молча поставила перед ним корзину и выпрямилась.

– Зачем вы надели платок? Разве вам не жарко?

Он внимательно смотрел в её глаза. Она присела на корточки, стянула с корзины белую тряпку и принялась извлекать из неё продукты. Незнакомец опустил взгляд на её руки, бронзовые, с шелковистой кожей и длинными пальцами.

– Вы как-то очень молчаливы для девушки. Как вас зовут?

Она чуть помедлила с ответом, но всё же назвалась:

– Белла.

– Белла... Ого! Красиво, как у Лермонтова. А я – Валька.

Валентин.

Она ничего не ответила, положила тряпку обратно в пустую корзину, поднялась.

"Невоспитанная", – решил он, но себе не поверил. Глаза

у неё достаточно умны. И ещё какая-то таинственная сила в них, манящая. Этакий колдовской огонёк!

– Вы так и будете молчать и смотреть, как я ем? Между прочим, я стеснителен. Вы бы сели... Пожалуйста...

Она опустила рядом, положила на колени ладони. Во всём её теле чувствовалась напряжённость, не похожая, однако, на неуверенность.

Он попытался представить, не такая ли Белла околдовала Печорина, и помечтал о том, как эта диковатая красавица станет ласкать его, отвечать на поцелуи, улыбаться ему и дрожать в его объятьях. Сладкое возбуждение расслабило тело.

– Вы живёте здесь, Белла? А я живу в Москве. Вы учитесь?

Всё то же молчание и отрицательное покачивание головой.

"Всё ясно. Дитя гор."

– А я учусь в МГУ. Слыхали о таком?

Она, словно задумавшись, наклонила головку в монашеской косынке, дразняще укрывающей от него чёрное крыло волос.

– Слыхала, – вдруг отозвалась, – это где-то в тайге...

Не глядя на него, она поласкала ладонью иголки травы.

– Почему это в тайге? – его лицо слегка перекосилось, голос стал стыдливо тихим. Он почувствовал, что краснеет.

– Потому что это медвежий государственный угол, –

невозмутимо ответили губы, а ресницы на секунду позже раскрыли тёмные, как глубокие пещеры, зрачки.

Он скривил рот. А девушка усмехнулась и отвернула головку, подставив под его жадный взгляд тонкий, чуть выкруженный подушечками губ, профиль. Он немедленно понял, что попался на крючок, и засмеялся. Почувствовал нарастающее покалывающее волнение.

– Вы меня провели, Белла.

Ему захотелось получше рассмотреть в ней что-то, чего не было в других. Что-то завуалированное, недоступное. Взгляд получился долгим, без обмана несущим его внутреннее состояние. Интересно, видит ли она в нём ловеласа? Других это притягивало, а с ней собственная гордость за это "звание" показалась неуместной.

Он почувствовал, что всё больше теряет возможность одержать верх, что уверенность уплывает от него капля за каплей, изменяя. Что ж из этого? Возможно, он видит странную девушку в первый и последний раз. Почему бы целиком не отдаться едва ли повторимому моменту, скрытому от других глаз. Никто не узнает... В омут с головой! В полёт за наслаждением!

И неожиданно для себя, не успев даже задуматься над следующим шагом, он медленно наклонился к её ногам и коснулся губами бронзовой щиколотки. А затем поднимался всё выше и выше, не спеша, словно наслаждаясь собственной сдержанностью.

Таких откровенных и будто хорошо отработанных трюков в его арсенале было достаточно. Восемнадцатилетний мальчишка вовсе не обладал хорошим опытом, хотя все прелести любви вкусил еще в шестнадцать. Он тайком от родителей вычитывал любовные сцены из книг домашней библиотеки и жадно впитывал интересующие его знания.

Дойдя до бархатистого от волосков колена, он поднял глаза. А она чуть заметно вздрогнула, но не отстранилась. Смотрела на него с интересом. И ни капли испуга, смущения, наигранного или нет волнения. Ничего, что привык он видеть в других. В ответ всё тот же колдовской свет глаз. И этот, новый в любовном опыте юноши, эпизод, не отдалил его от неё, а неожиданно сблизил, сроднил, как роднятся двое на безлюдном острове, погружённые в среду безморальности.

Лишь только он отстранился, южаночка обожгла его взглядом, соединившим пронзительную укоризну с какой-то непокорной таинственностью. Потянулась за корзинкой. Но он, поймав её ладонь, прижал к своей открытой груди. Девушка выдержала паузу, вдруг погладила едва покрытую шёлком начала зрелости мужскую грудь и медленно оттолкнула ее.

– Приходи завтра сюда! Придёшь? – он не сдержался, без остатка обнажив своё желание. – Я буду ждать у родника!

Она не ответила.

– Кому еду носила? – Руфина, даже покрываясь каплями

пота от несносной жары, не снимала платка.

– Дяде Гиви. Его сын опять не пришёл.

– Как его ноги?

– Он уже из дома не выходит, боится лестницы.

– А я хотела старые ботинки твоего отца ему отдать. Стало быть, теперь не понадобятся?

– Не понадобятся...

Взгляд Беллы украдкой скользил по стеклу настольного зеркала, время от времени с опаской устремляясь в сторону матери: вдруг заметит... Девушка приспустила косынку. Вот что видел незнакомец: горящие глаза, тёмные брови, припухшие от мужского любопытства губы, лицо в черни волос, как луна в ночном небе. Белла даже облизала губы.

– Платок покрой, – Руфина взглянула на дочь с укоризной, – пора столы накрывать.

Минут через сорок, проковыляв по грунтовой сельской дороге, подошёл автобус. Экскурсанты высыпали разморённые, кто в помятых шортах, кто прямо в купальных костюмах.

Мать считала одежду отдыхающих бесстыдной, так и не сумев привыкнуть к ней за много лет, и не позволяла в присутствии чужих появляться дочери простоволосой. Однако прибывших на отдых каждый раз встречала дружелюбно, с вежливой улыбкой приглашая к столу.

Еще будучи здоровым человеком, отец Беллы, подписав договор с несколькими пансионатами, смастерил рядом с до-

мом навесы и столы, чтобы, возвращаясь с минерального источника, экскурсанты могли утолить голод. Для этой цели разводилась форель. Была и пасека, но после того, как муж Руфины тяжело заболел и слёг, женщина продала её соседям.

Дни экскурсий Белла в тайне ненавидела. Если она не находилась на дежурстве, её сладкий утренний сон прерывался в половине шестого. Приходилось, засучив рукава, замачивать мясо для шашлыков, лепить и печь хлеб, отсортировать форель, выгоняя в специальный бассейн крупную. К полудню воздух в доме буквально плавился.

Помногу раз выполняя привычную работу, девушка в мечтах переносилась в большой город, в прохладные комнаты квартиры, где не будет целыми днями работать печь, как здесь – в доме матери, где можно будет выспаться по выходным и носить что угодно, даже оголять колени, если хочется, не боясь укоров матери. А сюда она будет приезжать только как гостя. И пусть Руфина, если нужно, наймёт себе работницу, а с неё, Беллы, хватит! Скоро, скоро, немного осталось терпеть!

Звонкоголосые, разодетые сверстницы прошли мимо калитки, подались в город на танцы. У них впереди музыка, мальчишки и много впечатлений, а у Беллы – большой чан с грязной посудой и надоевшая бесконечными укорами и неизлечимым консерватизмом мать.

С трудом выдержав два роковых часа, она напрасно себя

уверяла, что сегодня всё закончится. Она не станет испытывать судьбу и на встречу с Валькой больше не пойдёт.

Прошёл дождь, и так лучезарно от солнца засветилась зелень, что Белле показалось, ещё минута, и она упустит что-то важное, мимолётное, невозвратимое. Она немедленно скинула белый халат и, в который раз за последние полчаса доверив зеркалу свою безупречную красоту, выскочила из ординаторской. Ноги не слушались разума, почти бежали. Опомнись, Белла, к чему лишние волнения, к чему интрижки, ведь остался всего месяц! Но сердце отказывалось стучать в унисон с разумом. А вдруг это последний шанс... на шанс?

Сердце оборвалось. Она опоздала, он ушёл. А может быть, и не приходил вовсе. С болью гаснет надежда, сжимая сердце.

"Да, так будет лучше", – с грустью подумала она. Её ждёт прекрасное будущее. Такое, о каком мечтает едва ли не каждая девушка в посёлке. Ей завидуют, она это знает. Что же ещё?

Странное предчувствие обожгло сердце. Белла обернулась. Валька улыбался родной, с ума сводящей улыбкой. Он подошёл совсем близко. Так близко, что ощутил, как участилось её дыхание, хотя оставалось при этом предельно тихим. Парень потянулся к её плечам, а она, безумно желая броситься в его объятия, отчего-то отпрянула, и в её взгляде читалось настороженность, даже угроза.

– Тише, дикарка моя, это всего лишь подарок, – прошептал искуситель, скрепляя на смуглой шее девушки концы нити жемчуга.

– Не возражай, – предупредил Валька её отказ немного строгим тоном, – подумай сама, не понесу же я это обратно в магазин. И перестань носить старушечьи бусы. Для кого же ещё созданы украшения, если не для такой красоты, как ты?

Он вдруг опустился и расположился на траве по-турецки. Оценивающе посмотрел на девушку снизу-вверх.

– Красавица!

Несколько секунд с улыбкой любовался.

– Скажи, ты читала новеллы Брюсова? В одной из них двое сумасшедших влюблённых, отвергнутых обществом, нашли свой рай в развалинах древнего замка. Не правда ли, мы на них похожи?

– Возможно, это место и кажется тебе раем, а я вижу его каждый день. Жить в этих краях довольно скучно. Я бы уехала отсюда.

– А уехала бы со мной? В Москву. Ну, скажи, разве не мечтала ты когда-нибудь о Москве? Не качай головой. Глаза-то твои не лгут, Белла.

Белла молчала, ласково поглаживала ладонью жемчужины. Валька безумно нравится ей, плюс хочет увезти её Москву. Искренне ли? Слишком хорошо, чтобы сбыться. Но как хочется этому поверить!

– Расскажи мне о себе, Белла. Откройся, наконец. Или

опять скажешь, не пора? Где ты работаешь, например?

– Ты же сам говорил, наш рай только здесь.

– А мы немного увеличим его площадь. Что за скрытность такая? Мы знакомы уже почти неделю, а я ничего о тебе не знаю. Смотри, вот уеду скоро, и скажешь тогда: зачем же ты, дорогой Валечка, меня покинул. А я отвечу: поздно, меня здесь уж нет.

– Ну, хорошо, – смеясь, согласилась девушка, – туда, где я работаю, не мечтает попасть ни один человек.

– Надеюсь, это не морг?

– А что, разве не подходящая замена развалинам замка?

Они снова счастливо засмеялись.

Вдруг девушка напряглась, неожиданно метнулась к дереву и прильнула к его стволу. Молодой человек почти сразу догадался о причине её поступка: на тропе показалась женщина. Он спокойно выкурил сигарету, пропуская нежелательную, впрочем, лишь для Беллы, свидетельницу и смеясь, облокотился на ствол дерева, за которым притаилась маленькая “преступница”. Щёки её пылали, глаза были закрыты.

– Перестань, пожалуйста, смеяться. Ты ничего не знаешь, – приказала скромница так строго, что насмешник умолк.

Напрасно он ждал объяснений. Их не последовало. Девушка не спешила покидать своё укрытие, и юноша подошёл ближе.

– Что же я должен знать? – Валька осторожно обнял её за

талию.

Белла попыталась уклониться. Он прижался ещё сильнее.

– Разве я сказала, что должен? – ответ прозвучал менее твёрдо, чем хотелось ей.

Валька нежно прильнул губами к её смуглой шее, скользнул на плечо, всё жарче сжимая её тело, дошёл до лямки платья, захватил зубами, попытался приспустить.

Белла вырвалась, отошла.

– Перестань, ради Бога, Белла. Мы не первый день знакомы. Ты ведёшь себя так, будто никто к тебе не прикасался. Я не поверю такому. Иди сюда, слышишь?

– Стой там и не подходи, – предупредила раскрасневшаяся девушка, – у меня, действительно, никого не было. И с тобой ничего не будет. Я же сказала, ты кое-что не знаешь.

– Так скажи мне, чёрт возьми! – Валька терял терпение.

– Я не могу, Валентин, понимаешь?..

– Не понимаю, я ничего не понимаю!

– Хорошо. Дело в том, что я через три недели... в общем, я выхожу замуж.

– Замуж? Нет, Белла, нет! Ты не можешь!..

Ей почудилось в его словах что-то ненастоящее. Но её взволнованность тут же затопила странное подозрение. Валька сгорбился и поник. Глаза его погасли.

– А как же я, Белла? Ты его любишь?

Она закусила губу, почувствовав подступающие слёзы. Её состояние от Вальки не ускользнуло.

– Что ж, – бесцветным голосом вымолвил он, – мне остаётся только одно. Решительно он устремился к роднику, прямо в сандалиях вошёл в обжигающую воду. Белла молча внимала его безрассудству, но как парень и ожидал, уже очень скоро забеспокоилась.

Она знала, что дольше пары минут в ледяной воде находиться невозможно, холод начинает сводить ноги.

– Валя, не надо. Выходи, – кротко попросила девушка.

– Зачем, Белла? Я хочу простудиться и умереть.

– Пожалуйста...

– Уходи, Белла и не мешай мне.

Мышцы на Валькиных икрах напряглись.

– Глупенький, ты же ко мне попадёшь! А я уж тебе умереть не дам.

Валька будто глядел сквозь неё.

– Ты как ребёнок, в самом деле, Валентин. Хватит, выходи из воды.

– Ты не то говоришь, Белла, совсем не то...

– А что же “то”? – она потянула Вальку за руку, пытаясь свести с места. – Ну, прости меня, пожалуйста.

– Всё не то, всё не то...

– Ты мне очень нравишься, Валька!

Краешки Валькиных посиневших губ дрогнули, слегка растянулись. Он ступил, наконец, на теплые камни и, вдруг схватив Беллу за руку, крепко прижал к себе.

А потом в высокой мягкой траве ласкал её живот и бёдра,

прокравшись в укрытия одежды. Целовал её губы и грудь, с наслаждением слушая учащённое биение покорённого сердца. В его ритме тонуло тихое: – Валька, не надо.

Глава 2

Грузовик с номером «75-15» у дома означает известия из Краснодара, от человека, который не нарочно вторгается в нашу идиллию. От Марата... Раньше этот номер вызывал в душе Беллы чувство радости и предвкушения. Теперь казался в её жизни лишним, ошибочным. То, что привёз краснодарский водитель, должно было послужить кульминацией в предбрачном отрезке времени, но вместо этого посеяло в душе невесты панику от ощущения невозможности вернуться назад. Речь идёт о роскошном свадебном платье. Его выбирали тщательно, из самых дорогих, и, вероятно, долго искали в магазинах. Мать от восторга прослезилась. Завтра это платье сможет увидеть отец, когда его привезут из больницы. Он будет радоваться за дочь и тому, что успел дожить до счастливого дня. Бедный папа! Он даже не догадывается, какие сомнения грызут Беллу.

Руфина впервые за последние месяцы выглядела счастливой, немного отвлекшись от грустных мыслей. Приятным в этот вечер казался даже тот факт, что с завтрашнего дня её муж будет с ней рядом, пусть почти уже совсем недвижим. Перед его редкой болезнью – необъяснимым отмиранием клеток – врачи оказались бессильны. Никакое лечение не смогло остановить этот процесс. День за днём, месяц за месяцем клетки медленно отмирали в его организме. Это

выглядело более чем странным и абсурдным на фоне абсолютно здоровых органов. Последние две недели врачи только разводили руками и, наконец, сдавшись, отправили больного умирать домой.

Ничего, Руфина будет рядом с мужем и своей заботой скрасит его последние дни. А свадьба дочери поможет хотя бы на короткое время вернуть в его жизнь чувство радости. Всё происходящее было таким же правильным и совершенным, как свадебное платье. Она замечательно воспитала дочь, окружив её с детства строгостью и моралью. Жених образован и тоже хорошо воспитан. Наконец, он сын её давней подруги. К подарку прилагалась записка, в которой назначалось время телефонных переговоров с Краснодаром. Нужно было сегодня же сообщить матери жениха, по размеру ли платье (хотя уже не один раз обговаривались все размеры).

Нет ничего грешнее осознавать, как ты хороша в блеске нейлонового облака и как понравилась бы сейчас другому, и как этот другой ждёт уже целых полчаса, и важнее этого ничего уже быть не может. Отчего-то и прохладные комнаты городской отдельной квартиры и “вымечтанная” свобода уже не кажутся самым нужным в жизни. Есть кое-что в сотню раз более волнующее, отстраняющее все материальные блага. И ещё не до конца понятно, стоит ли оно всех прежних стремлений, но уже не находишь сил и желания отказаться от его вкушения.

Часы словно взбесились, стрелки стремительно ускольза-

ли от судьбоносной отметки. Подступающие слёзы туманили глаза, искажая отражение в зеркале. И ещё эта ненавистная записка о переговорах! Белла просто сойдёт с ума, если сегодня ЕГО не увидит!

Какой восторг и любование в глазах матери, и какая тоска и потерянности в глазах невесты!

Наконец, высвободившись из круженного заточения и тайком улизнув от матери, зная, как та рассердится, Белла прибежала в условное место с опозданием на сорок минут. Обнаружила его безлюдным и дала волю слезам. Ей не нужен Марат – сын обеспеченного папочки, не нужна отдельная квартира и свадебный наряд. Ей нужен только светловолосый Валька! Валька с родинкой на щеке! Валька голубоглазый! Валька настойчивый и страстный, от которого вскипает кровь!

Она плакала не от потери, а от какой-то страдальческой, нежной, желанной грусти, которой сопровождается влюблённость. И к этой грусти примешивалась ненависть и к подарку, и к матери, и к собственному легкомыслию и поспешности за удачным замужеством.

Она всхлипнула, и вдруг насторожилась, и обратила заплаканное лицо на голос, окликнувший её, уже не страдая, а восторгаясь. Любовники немедленно бросились друг другу в объятия, которые через секунду грозили уже перерасти в томительные нарастающим возбуждением ласки. Парень скользнул было губами на девичью грудь. Пробежал пальца-

ми по гладкому бедру, а красавица, нескрываемо пылавшая желанием, отстранялась от этих ласк, не покидая при этом объятий. Валька, понимающий несколько больше в капризах женских сердец, чем многие его сверстники, быстро догадался о причине нарочной Беллиной неподатливости. Мужчина способен легко отречься от всего, что не примет участия в обещающем случиться слиянии. Женщина же требует каких-либо гарантий будущего, даже заведомо ложных, чтобы с оправданным спокойствием предаться глубинам любви. Она словно требует платы за свой сладкий грех. Мужчина же в подобном не нуждается.

– Белла, милая, дорогая! Я приеду за тобой. Ты ведь поедешь в Москву?

И она кивала в ответ.

– Я скоро напишу тебе. Очень скоро. Жди.

И снова Белла во власти голубоглазого, светловолосого обольстителя (у Марата глаза карие, волосы чёрные, как смоль. Это имеет значение? Ещё какое!)

Наслаждение томлением, романтическая прелюдия и скудные ласки допустимы почти любой скромницей. А дальше, за чертой, плотское удовольствие и хрупкая боль, подчёркивающая приземлённую материальность. Здесь парящая гордость за умение быть для мужчины соблазном вдруг съёживается в пристыженность, смешанную с самозапретным наслаждением. И вскоре яркий концентрированный шар страсти становится похожим на маленькую остывшую

планету. А позже, спустя чувственную усталость, этот шар снова наливается, впитывая из памяти и возвышенное, и земное...

Сейчас Белла – остывшая и спокойная, ей гораздо легче, чем несколько часов назад. А завтра она с огненным шаром в груди пойдёт на переговорный пункт и смело признается Марату, что обручена с другим (красивое и подходящее слово: обручена), что ничего уже не изменить, и она уезжает в Москву.

“Маратушка, ты милый, добрый! Очень прошу, прости...”

“О чём ты говоришь, Белла? Ведь мы совсем скоро летим в Германию. И паспорт твой уже готов”.

“Ты не понял, Марат. Мы никуда не полетим. Вернее, в Германию отправитесь вы с твоим отцом, а я останусь”.

“Почему?”

“Потому что никакой свадьбы не будет. Прости, что так получилось. Я люблю другого человека”.

Да, так, что-нибудь в этом роде. Конечно, будет скандал, но она всё вынесет ради Вальки. А фотографию, где Белла с цветком в волосах, смуглая и красивая, Валентин возьмёт с собой, чтобы ощущать присутствие любимой, пока будет длиться разлука.

– Дорогая подруга, что произошло? На тебе лица нет.

Мать в недоумении. Сейчас она всё узнает. Белла не в состоянии унять дрожь.

– И ты ещё спрашиваешь? С какой семьёй я хотела породниться!

Белла съёжилась у стены. Марат сидел напротив, опустив голову. Несостоявшаяся свекровь нервно топталась возле сына. А Руфина перемещала вопрошающий взгляд с одного человека на другого.

– Что же, она ничего не знает? – холодно осведомилась “несвекровь”.

Белла виновато мотнула головой и покраснела. Она полагала, что телефонного разговора с Маратом будет достаточно.

– Твоя дочь расстроила свадьбу. Мой сын всего лишь хочет знать, почему. Что он ей сделал плохого? За что его отвергли?

– Я не верю своим ушам! Белла, это правда?

– Да, – хрипло отозвалась виновница. (Как жаль, что всё услышит папа).

– Ах, Ирма, так часто бывает. Молодые ссорятся и мирятся без конца...

– Мы не ссорились, – проронила Белла, останавливая надежду матери.

– Дочка, родная, помиритесь, – как непривычно ласков и жалостлив её тон, – Марат, сынок, прости её, пожалуйста.

– Какой он тебе сынок? (Это Ирма) Он теперь чужой вашему дому!

Марат, наконец, поднял голову.

– Белла, прости, если я тебя обидел...

Девушке стало жаль бывшего жениха и отвратительно стыдно за неожиданный скандал. Она готова была уже подыграть в сцене примирения, но тут Валькин образ скользнул из памяти в сердце, а оттуда – в самый низ живота и зажёгся там раздражающим огоньком. Белла взглянула на Марата и поняла, что он никогда не сможет потушить этот огонь. И тогда она решительно произнесла:

– Я люблю другого...

Ещё несколько болезненно-обидных слов и всё закончится. Или только начнётся?

– Несмотря на то, что я всегда считала тебя подругой, Руфина, осмелюсь тебя упрекнуть (это “несвекровь”, страшно возмущённая). Ты воспитала дочь плохо! Твоя Белла – ветреная особа и в жёны моему сыну не годится. Пойдём, Марат, пойдём, сынок из этого дома.

Лучше бы Руфина накричала на Беллу, ударила по щеке, что иногда допускала даже с взрослеющей дочерью, но только не говорила бы жалкое и непривычное:

– Белла, за что?..

Назавтра Валька не пришёл, не пришёл он и на следующий день. К третьему вечеру сердце Беллы панически заметалось, огонёк внизу живота разгорелся до нестерпимого жара.

Она разузнала номер телефона в Валькином пансионате,

но потом вспомнила, что не знает фамилии возлюбленного.

Через несколько дней девушка почти смирилась с мыслью, что возлюбленный больше не придёт. Он внезапно уехал и, вероятно, не успел её об этом предупредить. Теперь ей остаётся жить ожиданием письма от него, в котором (она пыталась представить) будет много нежных слов и обещаний.

“Белла, укажи каким поездом ты поедешь, чтоб я тебя встретил...”

И так далее, и так многообещающе.

Примирение матери началось с вопроса: – Кто он?

На что Белла загадочно отвечала:

– Скоро узнаешь.

Соседи вскоре перестали таращить глаза на одинокую невесту, и все версии об её несостоявшемся замужестве сами собой развеялись.

Потянулись октябрьские будни, больничные дежурства, тоскливые вечера бесконечных ожиданий. Валька не писал. Ни про поезд, ни про свою любовь, ни про то хотя бы, что он всё ещё её помнит. Белла потеряла аппетит, некрасиво осунулась, намеренно избегала подруг. Ей казалось, они втайне смеются над её нелепым романом. Она всё ещё помнила, какая зависть читалась в их глазах каких-нибудь несколько месяцев назад: Марат понравился всем, а предпочтение отдал Белле. Кому не мечталось выбраться из Богом забытого села, куда вела лишь грунтовая, вечно размытая дорога, в

большой многообещающий город? Высокий, хорошо одетый Марат, внезапно появившийся в больнице местного городка (аппендицит в дороге) и немедленно окружённый вниманием молоденьких медсестёр, был чем-то вроде алого паруса для местных “Ассоль”.

Марат... Хороший, добрый Марат, который путешествует сейчас по далёкой Германии без неё, без Беллы... Несчастный Марат... Он никогда не был таким жестоким. Как дорога, оказывается, мужская верность! И как несерьёзен рядом с Маратом Валька.

Октябрь, протянувшись чередой тоскливых, излишне длительных дней, уступил ноябрю, завершившись, но не завершив снедающей Беллиной скуки.

И вдруг письмо! Всегда так непростительно поздно, как пробуждение перед последним шагом в выдранную сном пропасть. Откуда? Прыгающее сердце мешает разглядеть... Неужто прямо из Германии?

Она не разочарована. Она рада вернувшейся надежде.

Вышла ли Белла замуж? Счастлива ли она? Пусть простит за то, что не удержался и написал ей, за то, что не может её забыть.

Белла бросилась отвечать.

– Мама, хорошо ли будет написать, что я скучаю по нему и что, кажется, по-прежнему люблю?

Ах, тошнота невероятная! От избытка чувств или от голода?

Мать с радостной поспешностью удалилась греть нетронутый обед.

Через две недели пришло письмо. В нём было много слов любви и предложение... руки и сердца. Письмо от Марата.

Матери обнимались и плакали. Короткую легкомысленную любовь Беллы простили. Суматоха и чудесная суета! Праздничный стол для гостыи! И день свадьбы назначен в августе, когда жених вернётся из-за границы.

А Валька остаётся в прошлом лёгкой болью при воспоминаниях. Она чуть было не потеряла, возможно, единственный в жизни шанс. Всё будет теперь хорошо!

Во сне она куда-то бежала, куда-то боясь опоздать. И там, у родника, вдруг увидела Вальку. Он лежал в траве, раскинув руки и глядя в небо, как однажды в одно из их свиданий. И так же как тогда сердце Беллы подпрыгнуло и забилось сильнее. Валька протянул руку и погладил её икры. Потом поднялся выше, скользнул по бёдрам, и через мгновенье его пальцы растворились в кружевах её трусиков. Белла закрыла глаза и в блаженстве запрокинула голову. Всё слабее её ноги, всё откровенней его ласки. И вот он уже перед ней на коленях и целует её живот. Какой же он умелый! Всё просто как в кино! Она хочет видеть его глаза. Пусть она найдёт в них не только желание, но и самую что ни на есть настоящую любовь. Белла опускает взгляд и столбенеет: у Вальки лицо Марата. Марат противно закатывает глаза, как делает это всегда в минуты возбуждения...

Белла почувствовала, что её вот-вот вырвет на него и, резко отпрянув, проснулась. Тошнота с пробуждением не отступила, а как-то опасно усилилась. Откинув одеяло, девушка метнулась в переднюю и, едва добежав до раковины, невольно опорожнила желудок. Она ещё несколько минут стояла в темноте, пытаясь сообразить, в чём причина недомогания и внезапно споткнулась о непредвиденный вариант. Качаясь, ушла к себе, достала с полки недочитанную (весьма давно) книгу и извлекла выглядывающий оттуда карманный календарик. Поднеся его к свету настольной лампы, вдруг почувствовала сердцебиение где-то в горле. Последний синий кружочек (обведённое чернилами число) красовался в середине сентября. Белла с ужасом вглядывалась в роковое число, пока оно не расплылось в тумане слёз. То, подпуская, то отгоняя надежду на ошибку, она мысленно кричала: “Нет, только не со мной!” Наконец, присела на краешек кровати. Кружилась голова, и комната кружилась вместе с нею. Как часто бывает в экстренные минуты, Беллин мозг начал быстро вырабатывать варианты спасения. Нужно было срочно любыми правдами и неправдами вызвать Марата из-за границы и переспать с ним. Роды раньше срока – нередкое явление. Она знает Марата, уговорить его несложно, особенно если внушить, как сильно она по нему соскучилась. Номера телефонов гостиницы, где проживает Марат, предусмотрительно указаны в уголке письма. Звонок будет стоить дорого, но это теперь кажется несущественной деталью в игре с судьбой.

Но назавтра Беллу ждал вопиющий исход. Несмотря на исчерпывающую объективность и вежливую сдержанность Марата, он казался ей несносно упрямым. Она вспотела от раздражения. Опять чаны с грязной посудой, размытая дождём грунтовая дорога? Ну уж нет! Не будет этого!

Белла с удовольствием сейчас разбила бы трубку о телефон, а не мирилась бы с улыбками присутствующих людей, умилённых нетерпением невесты. Что ж, раз не получилось вытянуть Марата “из-за бугра”, значит, нужно от ребёнка избавиться!

Глава 3

Закрывшись в ординаторской, девушка спешащим движением перетянула шпагатом левое плечо и ввела в вену иглу. Дверь толкнули, потом постучали. Белла вздрогнула, но довела дело до конца. Наконец, открыла, сделав вид, что застёгивает ремешок часов на левой, согнутой в локте руке.

– Зачем закрываешься?

– Я переодевалась.

Нет, так можно помешаться, если вздрагивать каждый час. Именно в такой временной последовательности необходимо было вводить стимулятор. Нужно будет найти другой способ уединения.

К вечеру боль усилилась, стала невыносимой, схватки участились. Организм возмущённо отозвался на бесправное вмешательство в его природу. Ночью Белла корчилась от боли, глотала аналгин, согнувшись, плелась в душевую. Наконец, на белый кафель упали капли крови. Скоро, скоро чужая, никому не нужная жизнь прекратится.

Ещё полчаса и ещё... Ничего не происходило. Плод цепко держался внутри своего убежища и хотел жить. На повторное истязание Белла не отважилась. Слишком кошунственным показалось ей разрушение своего здорового молодого организма.

Поёжившись и промолив слезами кушетку, она с трудом

дожила до утра.

Утром боль утихла, но всё тело казалось разбитым. Через силу выполнив медицинские процедуры и дождавшись смены, девушка добралась до дома, пошатываясь от слабости, свалилась на постель и уснула тревожным сном.

Несчастье оказалось столь непомерным для неё одной, что девушка решила открыться подруге. Чтобы нарисовать полную картину своего горя, нужно было выложить и про красивые, но быстро истекшие свидания, и про чувства, и про ссору с примирением и грядущую свадьбу с Маратом. Ничего не получилось утаить от любопытства скучающей провинциалки. Возможно, вдвоём с Рахиль они найдут способ избавления от “ненужного свидетеля” Беллиного греха. Рахиль, казалось, искренне и участливо забеспокоилась в ответ на исповедь подруги. К следующему дежурству она раздобыла рецепт вытравливающего зелья, представляющего собой концентрированный отвар из специй. Не слишком доверявшие знахарским средствам, девушки всё же ухватились за этот шанс. Оставалось придумать, где отвар готовить. У Беллы мать почти никогда не отлучается из дома. У Рахиль куча братьев и сестёр. Однако у неё это сделать безопасней: родители Рахиль часто подаются на городской рынок, вливаясь в ряды торгующих.

Любопытным сёстрам объяснили, что таким средством прекрасно мыть голову: волосы растут гораздо быстрее. Самой маленькой пообещали даже смочить ресницы, чтобы

они выросли как у её любимой куклы Дины. Отвар остудили и перелили в несколько бутылок. Бутылки Белла куда-нибудь спрячет, чтобы их не нашла мать.

Через несколько дней добровольных пыток к Белле, наконец, вернулось её природное естество, которое продолжалось положенное ему время, что окончательно выветрило опасения девушки. Неужели страдания Беллы закончились, и теперь мать и отец не узнают о её позоре, и соседи осуждающе не посмотрят ей вслед? Всё позади!

Жизнь красавицы налаживалась, худоба сходила, черты лица сделались мягче, появился румянец. Она получала письма от будущего мужа и отвечала прилежно, добавляя пожелания матери.

К Вальке ненависти она больше не испытывала, вспоминала о нём уже совсем редко, хотя и с приятным трепетом.

В конце декабря у Беллы обещающе заныл живот, и заглянув в заветный календарик, девушка довольно заключила: получится точно в срок. Однако, поболев с неделю, живот сам собой успокоился, так и не выдав того, что от него ожидали.

– Не делай поспешных выводов, – пыталась успокоить подругу Рахиль, – у меня, к примеру, задержка – обычное дело. Положи на живот грелку.

Всю следующую неделю несчастная была на грани помешательства, каждый день и час ожидая чуда. В конце недели поняла, что чуда не произойдёт, и остаётся ждать лишь

катастрофы.

– А что, если всё рассказать? – попыталась выразить заранее обречённую мысль подруга, – если Марат любит, то обязательно простит. Ведь однажды уже было такое.

– Дважды он точно не станет этого делать. И никто не станет...

К тому же Белла только на миг представила округлённые от ужаса глаза Ирмы – матери Марата и её передёрнуло.

– Всё, подруга, я пропала. Придётся забыть о краснодарской квартире и долгие месяцы с позором носить свой живот. Папа умрёт от горя.

Белла заскулила. У Рахиль сжалось сердце. Как хорошо, что всё это случилось не с ней!

Ещё через некоторое время ребёнок зашевелился. Он упорно не хотел сдаваться. И хотя ему было уже около пяти месяцев, внешне он никак себя не выдавал. Белла лишь слегка поправилась. Хуже было другое. Ей приходилось вести себя так, будто ничего не происходило: улыбаться, скрывать наплыв аппетита или, наоборот, его отсутствие. А это было куда сложнее, чем утягивать ремнём живот и носить свободный свитер.

Наконец, настал долгожданный день. Нет, не для крохотного существа, а для его матери. В этот день она намеревалась начать осуществление своего плана. Решение было найдено.

– Что ты сказала матери, Белла? – Рахиль заглянула в лицо

подруге.

– Сказала, что отправляюсь работать в пионерский лагерь. На две смены.

– Молодец. Правдиво звучит. Вот смотри, – Рахиль развернула блокнотик. – Здесь адрес и ориентиры, чтобы быстрее найти общежитие, и номер комнаты. Ну что, найдёшь?

– Найду.

– Вещи собрала?

– Да, остальное куплю по дороге. Я, Рахиль, сегодня уеду.

– Сегодня?

– Не могу ни дня здесь!

Белла умолкла, опустила голову.

– Рахиль, а что, если я не смогу его оставить? Увижу и не смогу.

– А ты не смотри. Хочешь, скажу откровенно? Думаешь, он здоровеньким будет? Ремень-то вон как затянут... Таких государство растит...

Всё было таким же, как всегда: звёздное небо, кусочек которого впускало больничное окно, молчаливые деревья, голубая в лунном свете трава на скудном газоне. Таким же как всегда, но другим сегодня. Потому что отныне это небо, и звёзды, и трава принадлежат ещё одному существу на планете. Живому, явившемуся в незнакомый мир, чтобы отныне стремиться к счастью.

– Что же вы такое делаете, молодые? Ведь нет ничего до-

роже ребёнка! На то мы и родились женщинами! Это же не кукла!

Совість Беллы сжалась в комочек трусливо и подленько под мудрым взглядом врача.

– Подумай ещё, время есть. Приложи к груди. Взгляни хотя бы на родного ребёнка!

Но Белла лишь прошептала солёными от слёз губами:

– Не надо...

Перед её глазами жестко лёг белый лист, чистый, как надежда, на котором предстоит вывести будущую участь ничего не подозревающего младенца.

На следующее утро Белла покинула стены роддома, хотя передвигалась с трудом. Дней пять она одиноко “зализывала” раны. Затем собрала вещи и отправилась на вокзал, всё дальше и дальше удаляясь от частицы своей плоти и крови. И крохотное существо слабо трепыхало ножками в беспокойном сне, словно чувствуя измену матери.

На этой прескверной истории надо ставить точку, как хочет того героиня. На бумаге это сделать несложно. Сложнее поставить точку в жизни, вычеркнув факт из её течения. Ребёнок родился и будет жить, несмотря ни на какие знаки препинания. Он будет двигаться по разветвлениям судьбы вне зависимости от того, помнят о нём или забыли.

Руфина слишком занята, чтобы заметить бледность дочери. Рахиль убеждена и обманута, что младенец прожил всего несколько часов, родившись очень слабым. Страница за-

крыта, не прочитанная никем.

Какими неуместными, даже фальшивыми выглядели счастливые лица гостей на фоне невестиной страшной тайны! Но нет. Они искренни. Они ничего не знают. Это Беллина фальшь, и ничья больше. Почему даже сейчас она думает об этом? Сколько ещё нужно времени, чтобы всё забыть?

Интересно, какая она, эта девочка? Может быть, у неё светлые волосы, как у Вальки, светлая кожа и синие глаза... Невероятно, зачем она вспоминает ребёнка снова и снова? Она превращается в заложницу судьбы, тогда как, напротив, искала свободы!

Страшным поступком (и она понимала это) Белла хотела скрыть свой грех и затем навсегда забыть о нём, начав новую жизнь с незапятнанной страницы. А вместо этого мучительно носила свой стыд в себе, думая о содеянном всё больше и чаще.

Всё, о чём она так мечтала, было у её ног: отдельная квартира в большом городе, всяческие наряды и даже короткие юбки, о которых раньше Руфина и слушать не хотела. Но что-то мешало этому долгожданному счастью состояться, что-то мешало Белле чувствовать себя свободной.

Её тяжкий грех не остался в прошлом, маленький несчастный “свидетель” где-то живёт и растёт один, не зная, что на этом свете бывает по-другому. Понимание и неизбежность этого делает жизнь виновницы беспокойной.

Через полгода Белла забеременела и страстно желала, что-

бы будущий ребёнок (ах, пусть это будет мальчик) отвлек её от изводящих мыслей. Но вышло всё иначе.

Чем сильнее привязывалась она к новорождённой и с чувством нежности оберегала беззащитное доверчивое создание, трепещущее в кружевных одеяльцах, тем жгучей становилась её жалость к брошенному ребёнку. Сама того не желая, она беспрестанно терзала себя жестокими фантазиями, представляя беспомощный живой комочек не в своих объятиях, а в каком-нибудь далёком приюте, плачущим и обречённым на одиночество. И тогда она начинала задыхаться от наплыва дикой болезненной нежности и невозможности прикоснуться к оставленной когда-то девочке.

Наконец, она решилась на невозможное, измучив себя пониманием того, что с безвозвратным ускользанием времени усиливается тяжесть её преступления. Укачав однажды дочку, она немедленно села писать матери письмо, но, как и пять последующих его собратьев, порвала на кусочки и сожгла. Лишь спустя год письмо дошло до адресата.

С трудом, дочитав до конца исповедь дочери, Руфина почти физически ощутила, как земля разверзлась у неё под ногами. Как она, прожившая полжизни, ничего тогда не заметила, не поняла? Как жила эти три долгих года, опутанная грехом дочери? Боль в груди разрослась до электрической. Не ко времени эта боль. Слишком рано. И, преодолев её, женщина сделала вдох. Наверное, к лучшему, что муж не дожил до этой позорной минуты. Он умер тихо и спокойно,

во сне. Последние дни отмирающие лёгкие плохо впитывали кислород, мозг находился в состоянии полусна. Но всё же мужчина успел узнать о беременности замужней дочери и в ответ на новость улыбнулся слабеющими губами. На его последнюю долю выпало немного радости. Что ж, всё остальное достанется ей, Руфине. А боль пусть подождёт: сердцу предстоит долгая работа...

– Марат, я хочу поехать к маме.

Белла сняла с полочки стопку сложенных детских вещей.

– Почему сейчас? Мы же договорились подождать моего отпуска.

– Я не могу ждать. Я соскучилась. Пожалуйста, Маратик.

– Странно, то рвалась от матери, свободы хотела, то теперь тебя не удержишь пару дней.

– Я по маме соскучилась, а мама – по мне. Тем более ты не очень любишь туда наведываться. Я поеду.

Она продолжала укладывать вещи.

– Ну, я не знаю. Как ты поедешь с ребёнком?

– Я справлюсь, Маратик, не волнуйся. И я ненадолго.

Мать несколько секунд держала её в дверях, наконец, взяла внучку на руки.

– Я знала, что ты не выдержишь, – холодно проронила она, – но зачем Софочку такую даль повезла?

– Мама, где она? – прошептала Белла.

– Угомонись и не вздумай ей голову морочить. Девочка только начала привыкать. Сейчас она спит. Белла смогла немного избавиться от напряжения, распустила концы шарфика.

– Как её зовут?

Мать словно не слыхала её вопроса, раздевая внучку и забавляя её.

– Мама... – Белла поджала губы.

– В приюте её назвали Оксаной...

Молодая женщина мученически подбирала слова, которые помогли бы наладить разговор с матерью, но шли минуты, а она молчала. Софочка сползла с бабушкиных коленей и отправилась путешествовать по комнате. Женщины продолжали молчать, не решаясь даже взглянуть друг на друга. Наконец, Руфина не выдержала...

– Почему ты ничего не сказала раньше? Зачем молчала? Как могла ты поставить свой страх перед позором выше жизни родного ребёнка? Я не пустила бы тебя сюда, если бы не Софья. Поэтому ты и взяла её с собой, а не оставила с Ирмой?

Тихие детские голоса донеслись до них из другой комнаты. Обе женщины метнулись туда и остановились на пороге. И на смертном одре каждая из них вспомнит эти минуты.

Очень маленькое, совсем не больше Софочки, бледное создание во все удивлённые голубые глаза рассматривало черноволосую незнакомку, прильнувшую к её кровати. Это бы-

ло совершенно очаровательное, ангельское существо с дрожащими на ресницах влажными бусинками, не успевшими превратиться в слёзы. Белокурая девочка молча взглянула на вошедших и снова обратила свой взор на Софочку. Малыши с долгим интересом рассматривали друг друга. Потом Софочка нагнулась за куклой, лежащей на полу, но не взяла её себе, а протянула новой знакомой. Это была небывалая щедрость для полуторагодовалого ребёнка. Оксана улыбнулась в ответ и даже от радости вздрогнула, как вздрагивают пушистые щенки, обнаружив солнечного зайчика. Потом белокурый ребёнок потянулся в сторону Руфины и дважды изрёк слово “мама”. Белла почувствовала, как покрывается мурашками от звука детского голоса.

Руфина облачила девочку в платице, причём та нетерпеливо продолжала проситься из кровати, и посадила её на пол рядом с Софочкой. Не поставила на ножки, а именно посадила. Тревога подступила к сердцу Беллы. Трёхлетняя девочка неуверенно на коленях подползла к коробке с игрушками и подтащила её к сестрёнке, которая с любопытством наблюдала за ней с высоты своего мастерства стоять на собственных ножках.

– А я не умею ходить, – с милой откровенностью призналась Оксана, будто Софочка могла её понять, и Белла ощутила, как невидимые тиски сжимают ей горло. Софочка плюхнулась рядом с сестрёнкой и манящим ящиком, и трогательное дружелюбие, и щедрость, на какие только способны де-

ти, воцарилась в их крохотной компании.

– Белла... – мать сжала локоть дочери, готовой сделать шаг в сторону детей.

– Белла, я никогда ни о чём не просила тебя. Но сейчас прошу, уезжай. Ради Софьи и Оксаны. Очень прошу, уезжай! Возвращайся к мужу. Я буду брать к себе Софью, как только она немного подрастёт. Пусть летом дышит чистым воздухом. Я очень люблю её – мою внучку. А ты завтра же уезжай. Надеюсь, ты поймёшь меня. Слышишь, дочка?

Глаза матери казались просящими, голос был ласков, губы вздрагивали. Напряжение Беллы растаяло, сердце затопила волна нежности. Долго мучавшая её вина пролилась слезами раскаяния на плечо матери. Руфина обняла дочь, вдыхая не упущенный памятью сквозь время и расстояние запах родных волос.

– Ничего уже не изменить, Белла. По документам Оксана моя дочь. И я любила её уже тогда, когда держала в руках твоё письмо. Возвращайся к мужу, а правду забудь навсегда. Ведь если обман раскроется, Марат тебя не простит. А ты должна думать о Софье. Так будет всем хорошо. Поверь мне и моим годам.

Молодая женщина подняла на мать заплаканные глаза. Она отчётливо теперь поняла, как нужна была ей все эти годы нежность матери. Пусть даже нежность жестокая.

– Мама, что с ней? Она... больна?

“Здравствуй, Соня! Пишет тебе твоя сестра Оксана. Почему ты больше не приезжаешь летом? Почему не отвечаешь на письма? Как ты закончила год? Я – почти отличница. У меня только две четвёрки. Ещё я ходила в драмкружок. Сначала меня братья не хотели, предлагали заниматься лепкой или выжиганием, но за меня попросила мама. Правда, мне давали самые маленькие и скучные роли, где не надо было двигаться и много говорить, но все главные роли я знала наизусть. С тобой играть в театр было интересней. И вообще, ты моя самая лучшая подруга. Помнишь платья для принцесс, которые шила моя мама? Они все целы, только стали малы. Я в них такая смешная! Но если ты приедешь, мама сошьёт новые. Короны не сохранились, потому что попали под дождь. Соня, приезжай, пожалуйста. Я тебя очень, очень, очень жду!”

Девочка задумчиво потеревила уголок письмеца, покусала кончик авторучки. Что ещё написать такого, чтобы Соня поняла, как ей будет здесь весело? Маленькое сердце чувствовало, что причина разлуки кроется в отношениях мамы и тётки Беллы. Что-то в них было не совсем хорошо. Тётя Белла нравилась Оксане. Каждый раз она дарила ей игрушки, а иногда покупала красивые платья, как у Сони. У мамы на такие наряды денег не хватало. Теперь они все малы. Как жаль.

Оксана недоумевала, почему мама всегда радуется Соне, но не радуется тётке Белле, строго разговаривает и не улыба-

ется ей. Как-то она даже накричала на тётю, и во дворе было слышно, как мама рассерженно повторяла: “прекрати пить, прекрати пить”. И ещё пугала тётю Беллу тем, что дядя Марат её когда-нибудь прогонит. Может быть мама шутила? Тётя Белла ведь не собачка.

Наверное, тётя обиделась, потому что они с Соней приезжать перестали. Мама говорила, что у них просто нет такой возможности. Но Оксана всё равно продолжала надеяться и ждать до последнего дня летних каникул.

Девочка свернула листок, так и не придумав ничего нового и удивительного для Сони, потому что здесь было скучно и всё по-старому. Конвертик положила в сумку к маме так, чтобы уголок торчал на виду, и мама не забыла письмо отправить. На душе девочки стало легко и весело, и она готова была ждать еще, сколько нужно, несмотря на то, что один летний месяц уже подошёл к завершению.

А Руфина с жалостью в сердце терпеливо ждала, когда погаснет детская надежда, потому что письмо никогда не отправится к адресату, а будет аккуратно спрятано под ключ. Так будет лучше всем...

Глава 4

Соня лизнула край конверта и аккуратно заклеила. Ей нравилось отсылать бабушке Ирме свои фотографии, жаловаться, что скучает, и учителя ей ставят несправедливые отметки. Правда, о своих прогулах и невыполненных контрольных по предмету гармонии она старалась умолчать. Зато о новых женихах, о чудесных сапожках в магазине рассказывала красочно. У бабушки Ирмы можно денег и попросить, но это лишнее. Достаточно с милой ласковой наивностью рассказать о соблазнительных вещах, которые продаются в Москве и испытывают юную душу, чтобы бабушка “пришла на помощь”. Соня, действительно, скучала по бабушке. Она с нежностью вспоминала, как та, словно в детстве не наигравшись, наряжала её, точно куклу, в кружевные цветастые платяца. К каждому в тон покупала туфельки и взбрызгивала волосики малышки духами. Она мечтала, чтобы Соня выросла красавицей. Нежной, милой, скромной Белоснежкой, от которой пахнет конфетами.

Соня и впрямь стала красавицей. Только не нежной и милой, а броской и вызывающей. И пахло от неё не конфетками, а табачным дымом. В общежитии почти все курили с первого курса. От комнаты в квартире, которую ей сняли родители, девушка тайком отказалась, и теперь у неё водились карманные деньги.

На письма из дома Соня отвечала неохотно, иногда и вовсе оставляла без ответа. Она вырвалась наконец-то из домашнего плена с мамиными истериками, со странными, неприятно будоражащими сценами, когда мама то плачет, то смеётся, а папа хлопает дверью и готовит невкусный обед.

Соня смутно помнила, что у неё есть другая бабушка и сестра. За много лет их лица в памяти почти стёрлись, но ощущения уюта, доброй заботы и нежнейшей дружбы в её сердце всё ещё хранились.

Соня прислонила к чайнику иконку, зажгла и поставила свечку перед ней и стала читать приворот, который подруга написала ей на газетном обрывке. Голос зазвучал таинственно и немного пугающе в ночной тишине общежития:

– Раб Божий Калинин Артём сохнет по рабе Божьей Соне, как лист осенний, как свеча перед образами...

Какие только слухи не ходили в микрорайоне про тёмные дела Калины, про его “героические” криминальные вылазки, подчас обрастая мистикой. Приписывали ему даже странную гипнотическую силу. Его вызывающая независимость и безграничное (читай беспредельное) бесстрашие отпугивали врагов сами по себе.

Соня видела, как его боятся и уважают другие, знакомые ей, представители новой силы. Её пугал и одновременно привлекал образ, окутанный тайной и многочисленными

разговорами. И потом, этот Артем такой классный!

Длинные накаченные ноги, широченные плечи и, особенно, красивые желтовато-зеленые глаза хищника покоряли без всякого гипноза. А ещё шикарная машина и, вероятно, пухлый кошелёк! То, что нужно первой красавице элитного училища для красивой жизни! А что парни на курсе? Скучные, бедные музыкантишки! Вот Артем – другое дело! Кто как не она, первая красавица училища, достойна такого парня!

– ...сохнет, сохнет по рабе Божьей Соне...

Вдруг, свеча пошатнулась, скривилась и упала на иконку. Соня взвизгнула. Девочки вскочили с постелей, но к столу подошли осторожно и уставились в темноту, слегка рассеянную бледным светом луны: на тонком лице Богоматери застыла жёлтая восковая слеза...

– Девчонки, доставай кому что не жалко. Олю сегодня надо нарядить. У неё свидание.

Девушки охотно зашуршали пакетами со сложенной одеждой. Играть в переодевания всегда так интересно!

Оля в Сониной юбке с блёстками, Светкиной майке “Адидас” и красно-синем пиджаке. Не то.

Оля в зелёных бриджах, чёрном лифчике, белой блузке и жёлтой панаме. Перестарались.

Оля в вельветовых брюках и клетчатом...платье. Стоп.

Нужно, чтобы наряжал кто-нибудь один, а не все сразу.

– Сонь, одолжи ей своё классное пальто!

– Замётано. Пусть берет. Но сигаретами сегодня угощает она!

Варламова Оля в пальто с чернобуркой и Соня в поношенном пуховике подруги курили в фойе у зеркала, посмеиваясь над приемщицей одежды в гардеробе, тщетно пытавшейся прогнать юных курильщиц. Весело было наблюдать за тем, как она выходит из себя, и при этом смачно затягиваться, и пританцовывать, заряжаясь от ритмичной музыки, доносившейся из танцзала, ждать, когда бабка неуклюже доковыляет до них добрых метров пятнадцать, улизнуть и снова появиться с сигаретой бедняге назло.

Когда в проёме входной двери показалась знакомая фигура, разговор между ними оборвался. Соня так и застыла с сигаретой в руке, поняв, что человек направляется к ним. Калина – красивая мечта, пугающая и волнующая одновременно, внезапно обращалась в реальность. Отчего же так хотелось бежать, спрятаться, а не стоять вот так с опущенными руками? Отчего в его желтые, прямо-таки выпивающие до дна, глаза смотреть было так же больно, как на солнце?

– Как тебя зовут?

– Софья.

– Что будешь делать после танцев?

– Домой пойду.

Она будто отвечала школьный урок.

– Может быть, я предложу что-нибудь поинтересней?

– Мне надо домой.

– Это скучно. Ладно, иди порезвись. Я сам тебя найду.

Девочки молча проводили взглядом божественно или дьявольски соблазнительного Артёма.

– Я никуда с ним не пойду, – вдруг заявила Соня, – я боюсь, я не знаю, как себя с ним вести!

– Да ты что? Это же твоя мечта. И ты такая красивая! Будь просто собой. Он и сам с тебя станет пылинки сдувать.

После дискотеки Калина окликнул её, пробирающуюся к выходу. Соня остановилась, блаженно считая частые удары сердца. Артём ласково и даже как-то заботливо обнял её за худенькие плечи и повёл к стоящей у входа “девятке”. Подтолкнул девочку в машину, а сам сел рядом с водителем.

– Ко мне в квартиру, – коротко сказал он, и Соня забеспокоилась:

– Как? Зачем к тебе?

– Чего ты испугалась? Меня боишься? Расслабься. Будет хорошо.

За то время, пока они ехали, больше Соне внимания не досталось, будто про неё забыли. Они вышли вдвоём у высотки, поднялись на лифте, и как только дверь квартиры распахнулась, уникальное Сонино счастье улетучилось. В лицо ударил запах нечистоплотности.

– Давай, заходи. Я отолью.

Она долго стояла в прихожей, раздумывая, разуться или

нет.

– Ты чего стоишь-то всё? Проходи, не бойся. В ванную хочешь?

– Нет...я...не хочу.

Соня поникла, чуть обиженно выдохнула:

– Есть хочу...

– Что хочешь?

– Есть...

– Ну, пойдём, посмотрим на кухне. Что там у нас?

На столе – окурки, крошки, кусок чёрствого хлеба.

Калина широко раскрыл дверцу холодильника.

– Тут ничего не хочешь?

Увидев одинокую банку заплесневелых помидоров, Соня совсем смутилась.

– Вот видишь, у меня ничего нет. Да и я живу здесь редко. Пойдём лучше в спальню.

Грязная постель, смятая, в жёлтых пятнах простыня окончательно развеяли остатки Сониного счастья, сменив его на страх перед неизвестным. Уверенность в силе собственной красоты, каждую минуту горевшая в её сознании маячком, впервые не сработала. Маячок погас.

Артём раскинулся на кровати. Соня уже не хотела любоваться его красивым телом и точёными чертами лица.

– Ну, давай, маленький, раздевайся!

– А может быть, лучше... фотографии посмотрим?

– Да нет у меня никаких фотографий.

– Тогда посидим просто так и поговорим, – девушка тянула время.

– Мы поговорим потом, завтра.

Он внезапно поднялся.

– Я не люблю ждать. Раздевайся. Чего меня бояться? Я не волк.

“Волк, – подумала Соня, – вот прозвище, которое ему подходит”.

Уверенными сильными руками он принялся стаскивать с неё одежду. Девушка захныкала:

– Не надо, пожалуйста, не надо! Я не хочу на такую постель! Она грязная.

– Грязная? – он задумался. – Да ничего...

Соня хотела быть в выигрыше, как всегда, и даже в более крупном, но вместо этого... Нет, она вовсе не обольстительная, сексуальная, сводящая с ума женщина-вамп, а просто юная, мамина и папина девочка, испуганная и беззащитная. Она не хочет блистать и разбивать сердца мужчин. Она хочет домой, на тёплую чистую постель, прижаться к плюшевому мишке с оторванным ухом, которого унесли из опустевшей комнаты на балкон.

Большое тело рядом с Соней, наконец, замерло, засопело. Девочка, морщась, осторожно приподняла бёдра и слегка отодвинулась к стенке. Усталость и нервный всплеск заставили её быстро забыться. Во сне она вздрогнула и к ужасу своему разбудила лежащего рядом человека-зверя. И опять

тело и мозг сосредоточились на тупой, настойчиво повторяющейся боли. Она теперь даже не помнит, удостоил ли её парень хотя бы несколькими поцелуями... Когда всё кончилось, она, боясь пошевелиться, задремала только краешком мозга.

Утром голова болела, ныли мышцы ног. По телу прошла волна воспоминаний о накануне случившемся, и было непонятно, счастливое ли событие произошло в Сониной жизни или не так уж. Слабое мужское похрапывание и тяжёлая рука на Сонином животе возвращали в реальность. Несмотря на страстное желание изменить позу, девушка старалась не шевелиться. Ещё одной пытки она не вынесет.

Солнечный квадратик от окна наплыл на лицо Калины, и тот проснулся. Зевнув, обратил на Сою туманный взгляд. Девушка с ужасом поняла, что физическое испытание не закончилось, когда “хищник” прижался к её обнажённому телу. Но тут отрезвляюще громко зазвонил телефон. Калина дотянулся до трубки:

– Когда заедешь? Рано, давай позже. Ну, чёрт с тобой, заезжай сейчас.

Соня воспряла духом. Всё позади. Она была благодарна этому незнакомцу. Девушка в считанные секунды оделась. Когда вернулась из ванной, Калина курил у форточки.

– Знаешь, как я теперь к тебе относиться буду? – он повернул в сторону Сони голову.

– Как?.. – она насторожилась.

– Любить буду тебя. А знаешь, почему? Потому что ты у меня первая. Первая девственница. Никому к тебе не дам прикоснуться. Буду беречь для себя.

Он потянулся, чтобы закрыть форточку, упёрся бёдрами в подоконник, и его член стукнулся о стекло. От его размеров у девушки перехватило дыхание.

Наконец, они спустились на улицу, где их уже ждал потрясающий спортивный автомобиль с густо тонированными окнами.

Соня немного отстала от Артёма, и когда тот обернулся, увидел, как она осторожно передвигает ноги.

– Так, малыш, в чём дело?

– Ни в чём, Артём, всё хорошо, – Соня попыталась улыбнуться.

– Так, стоп! Ты почему ковыляешь? Тебе больно?

Девушка смущённо поджала губы, заметив, что водителю хорошо слышен их разговор.

– Ну да, конечно. Как я не подумал? Конечно, больно. Ну, прости, если обидел. Давай-ка поднимемся, я тебя полечу.

– Нет, – Соня испугалась. – Я домой хочу. Я устала.

Что угодно отдала бы она сейчас, только бы не возвращаться в эту квартиру. Но настойчивости Калины противостоять было невозможно. Водитель автомобиля без вопросов остался ждать их возвращения.

– Вот тебе таблетка. Положи её между ног.

– Не надо мне никаких таблеток. Что это такое?

– Как не надо? В чём дело? Малыш не хочет слушаться.

Давай, я положу.

– Не надо. Я сама.

– Сделаешь? Точно? Всё, я тебе верю.

Соня закрылась в ванной и потихоньку смыла таблетку в раковину.

– Сделала? Хорошо. Теперь пройдёт.

Авто подкатил к общежитию.

– Отдыхай, а я к тебе вечером загляну.

– Не надо вечером, Артём, я буду спать.

– Хорошо. Тогда, когда? Через день, два, три?

– Через неделю.

– Ну-у-у, малыш меня не любит, не хочет видеть. Ну ладно. Можно тебя одну оставить? Не изменишь мне? Смотри, ты моя.

– Форте, фортиссимо, субито пиано, – повторяла Соня, глядя то в ноты, то на клавиши. Пальцы неуверенно прокладывали новую, чёрно-белую дорогу на непослушном рояле. Изумлённые лица время от времени заглядывали в дверь и исчезали: – Вот ненормальная, вторые сутки держит кабинет!

– Квартоли стаккато, фермата и снова субито пиано. Пора заняться делом, хватит гулять. Догулялась уже. Не хватало ещё на второй год остаться. Нон легато и не забыть про фа диез.

Соня уже третий день не вспоминала про косметику и дискотеки. Под конец сессии в ней проснулась сознательность? Понимание важности музыкальных успехов? Нет, скорее “заснули” прежние интересы. Подруги продолжали шумную хмельную жизнь, тщательно готовясь к каждому вечеру, а Соня взирала на всё это с равнодушием, не узнавая саму себя. Где тот прежний азарт? Ведь раньше целый день она проживала ради вечера. Теперь даже не ощущается привычное волнующее покалывание под солнечным сплетением. Смысл конечного результата разгадан: грубый болезненный секс. А красивое, ухоженное дорогой косметикой лицо является совершенно ненужным дополнением к тому, что происходит ниже пояса. Вот для чего дискотеки, вино и мужчины? Странно, что кому-то ещё это нравится.

– Хочешь, Оль, возьми мой бежевый костюм. Думаю, тебе он подойдёт, – зевая, предложила Софья.

– Ура! Спасибоочки, подруга! – Оля подскочила к ней и чмокнула в губы. – Я не говорила, как тебя люблю?

– Ладно, ладно. Пойду ещё часик позанимаюсь.

– С тобой точно что-то неладное происходит.

Соня, выходя, лениво послала подругам воздушный поцелуй. В коридоре её встретила дежурная.

– Алабина, спустись вниз, тебя спрашивают.

– Кто? – Соня и впрямь задумалась.

– А кого ты ждёшь?

– На какой машине?

– Тебе ещё машину подавай? Вот ведь какие девушки избалованные пошли.

Соня спустилась в халатике, бледная без косметики, с неуложенными волосами. В “предбаннике”, тесном и грязном, стоял Калина с газетным свёртком в руках. Соня сначала остановилась в нерешительности, а потом даже почувствовала прилив гордости. Она на своей территории и бояться ей нечего. Зря она, что ли, страдала? Красивой мечты не получилось, но так пусть другие мечтают за неё и завидуют, увидев, кто её навещает.

– Привет, малыш! Я тебе орешки принёс. Сейчас, только горстку себе возьму...

Такова бандитская любовь.

– Девочки, Сонька где? – Светка из соседней комнаты растерянно озиралась, почему-то с мыльницей в руках.

– В сто девятую пошла. А что?

Светка исчезла без объяснений. Соня шла ей навстречу по коридору.

– Сонь, там тебе Калина кричит. Выйди, а!

– Не хочу.

– Он залезть грозитя.

– Вот балбес! Пусть лезет! – но её смех тут же оборвался.

Дверь женского туалета распахнулась, и вошёл, вернее, вышел Артём.

– Малыш, я пришёл.

Приближалась ночь. Но гость уходить не торопился. Молча скучал в компании говорливых девчонок. Входную дверь, должно быть, уже заперли. Непонятно, как Калина собирался выйти. Или не собирался вообще?

Соня время от времени толкала Олю в бок, многозначительно подмигивала, но та, как ни старалась, подругу не понимала.

– Оля, ты не сходишь со мной? – не выдержала она. – Ты ведь тоже хочешь? Да? В смысле... пи-пи...

– Да, да, – Оля вскочила, переняв мысли подруги.

– Милицию вызываем, – шепнула Софья за дверью, – не стану больше с ним спать.

Они побежали вниз к телефону. Когда вернулись, Калина как-то недоверчиво осмотрел их с ног до головы. Минут через десять начал ёрзать на стуле:

– Что-то мне не по себе...

Девушки переглянулись. Просто телепат какой-то!

И вдруг произошло совсем невероятное. Парень опустил-ся на колени и полез под кровать. В белой шёлковой сорочке – прямо в двухнедельную пыль.

– Пожалуй, я пока здесь полежу.

И только он это сделал, как в дверь постучали, и деловито, по-хозяйски вошёл милиционер с папкой под мышкой.

– Так, что у нас здесь происходит? Кто девочек обижает?

– А кто вам такое сказал? – Соня глазами подавала ему

знаки в сторону кровати.

– А кто звонил?

– Мы не знаем, – ответ был дружным.

– Может быть заведующая? – громко предположила Соня, подмигивая ещё усердней.

Милиционер очень подозрительно посмотрел на Соню и как-то настороженно стал топтаться.

– Значит, всё в порядке? Ложный вызов?

– Да, – громко сказали девушки и отрицательно замотали головой.

– Тогда мне пора.

И товарищ в форме повернулся к выходу. Соня порази-лась тому, как искусно некоторые умеют казаться бестолко-выми. Теперь кошмарная ночь, ночь в присутствии недрем-лющих в экстренных случаях подруг, состоится. И никто Со-ню не спасёт.

– Что тут за группа? – Калина бесцеремонно вторгся в аудиторию.

– Тридцать первая, – пролепетала училка.

– Хорошо, – он повернулся к студентам, всматриваясь в лица.

Соня слегка пригнулась.

– Софья, выйди, я тебя жду, – он быстро отыскал её гла-зами, черноволосую с рассыпанными по плечам локонами.

– Да, да, Алабина, ты можешь выйти, – училка, заволновавшись, несколько раз поправила очки.

Соне осталось только повиноваться. За дверью она натянута улыбнулась человеку-зверю.

– Малыш, друг наш вернулся! Слышишь? Второй день как выпустили. Гуляем мы сегодня. Хочу тебя с собой взять. В пять заеду. Идет?

– Да!

Вот сейчас всё по-другому! Как у нормальных людей. Приглашение и гости, ухаживание, забота! Такое свидание Соню устраивало, а в сущности ей всего лишь хотелось добавить немного красок в картину скудной бандитской любви.

Девушка выглянула из окна на продолжительный автомобильный сигнал. “Зализанная” гелем голова Калины торчала из красивого белого авто.

– Малыш! – он махнул рукой.

Соня игриво помахала ему в ответ и потрянула всё ещё болтающимися бигудюшками.

– Сейчас, Артём, ещё пять минут!

– Ладно, десять, и чтобы у меня была самой красивой!

Это были первые мгновенья расправившего крылышки счастья.

Она плыла по ступенькам под “стоп-кадрами” нескольких пар глаз, восторженно уставившихся на неё из окон автомобилей.

– Красавица она у тебя!

На полпути Артём пересел к Соне на заднее сиденье, заботливо обняв её. Сониная мечта слабо замерцала огоньком надежды.

В кафе девушка чувствовала себя достаточно раскованно и уютно даже в таком обществе, живущем по своим жестоким законам. Хорошее вино и ласковые взгляды приятно вскружили голову. Артём впервые проявил к ней нежность. Нежность, на какую только способен хищник.

Она вышла на воздух, пьянея от звёзд и сигаретного дыма. Как хотелось поделиться своим коротким счастьем с подругами!

Внезапная боль быстро отрезвила её сознание. Чьи-то грубые пальцы впились в волосы и уткнули её лицо в мужские колени.

– Артём! – успела выкрикнуть девушка перед тем, как ей зажали рот потной ладонью, а голову крутанули так, что шейные позвонки щёлкнули. В ту же секунду она увидела лицо напавшего. Жирное, с раскрытыми вывернутыми губами и сальным взглядом. Один из тех, кого посадили не во главе стола, а на “галёрке”. Она вспомнила, как он пожирал её глазами.

Вдруг от резкого удара входная дверь раскрылась. Разгневанный человек-зверь метнулся оттуда как пламя. Получив мощный пинок в бедро, толстяк откатился в сторону, но тут же встал на колени и пополз навстречу ударившему, жалобно и невнятно бормоча:

– Я не хотел...Прости, Калина...Я не знал, что она с тобой. Я не знал, клянусь, как перед Богом...

Артём медленно вытянул вперёд ногу, обутую в крутой бот с кратерной подошвой. Толстяк уставился на эту подошву, зависшую прямо перед его носом, и перестал дышать.

Удар был таким внушительным, что Соня сжала зубы и прикусила язык. Лицо толстяка превратилось в отвратительную красноносую маску, которая всхлипывала и издавала отдельные рваные фразы. Калина с остервенелой лёгкостью хищника поднял свою жертву и швырнул внутрь помещения. Одной рукой смёл нагроможденные на краю стола пустые тарелки. Звон разбитой посуды не побудил, однако, застывших официантов изменить своего положения. Рассвирепевшего Калину попытались остановить его друзья, но тот слушать никого не хотел. Схватив провинившегося в охапку, человек-зверь с силой вдавил его в стол. Рывками начал стягивать с бедняги брюки. Тишина воцарилась гробовая, и было слышно, как оторванные пуговицы раскатились по полу. Без всякого стеснения под взглядами двух десятков пар глаз Калина расстегнул ширинку, достал своё “орудие” и под хриплый скулящий плач жертвы несколько раз вонзил его в рыхлый белый зад. После экзекуции обезображенный и униженный толстяк повалился на пол и рыдая забился под стол. Первым нарушил молчание хозяин торжества:

– Надо ехать в другое место, здесь праздника уже не получится.

А человек-зверь отыскал ту, которой посвятил сцену мщения, как поэты посвящают стихи своим возлюбленным. Но девушка невольно метнулась от него прочь, и лишь успела добежать до выхода, как её вырвало прямо на ступеньки. Вырвало собственной задушенной мечтой, извращённой, загаженной и уродливой.

Глава 5

“А старикашка ничего”, – подумала Елизавета Андреевна, когда Земляничников галантно поцеловав её руку, закрыл за собой дверь кабинета. “Да, ещё в соку. Интересно, зачем он намекал на то, что холост? Мол, стар, одинок, дети разлетелись из родного гнезда, и теперь единственную радость ему доставляет забота о племяннице”. Ей не могло показаться, в его глазах мелькнуло нечто такое, отчего она ощутила приятное тепло внутри себя. Однако, такой известный человек, как он, да ещё и при хорошем доходе вряд ли страдает от нехватки внимания и ласки. Хотя, как знать... Может быть однажды все те, кто посмеивается над одинокой старой девой, раскроют рты от удивления и зависти, узнав о её браке с полковником в отставке.

Елизавета Андреевна уже давно не ощущала столь приятного подъёма в глубине своего тела от соприкосновения с тем, на что в свои сорок четыре уже перестала надеяться. Она встряхнулась, отгоняя мечту, но цепкие мысли зароились снова. А чем, собственно говоря, она ему не пара? Тринадцать лет уважаемый директор, причём никто её наверх не подтягивал, всего добилась сама. Всю жизнь общественный деятель, ответственный комсомольский затем партийный работник, она добилась всего сама. Да внешностью не хуже размалёванных молодых, просто давно не интересова-

лась косметикой и не обновляла гардероб. Она почувствовала прилив здоровых жизненных сил и впервые за долгие годы желание собой заняться.

Женщина выглянула из кабинета и обратилась к секретарше:

– Надюш, в перерыве найди Варламову из пятнадцатой группы и ко мне.

– Хорошо, Елизавета Андреевна.

Ольга вошла в кабинет директора с надеждой и интересом к тому, как разрешится её дело. Она очень мало сомневалась в положительном результате, забавляясь мыслями о том, какой старикашка прыткий.

– Варламова, сядь. Ты сегодня посещала теорию музыки?

Ольга кивнула.

– А ты знаешь, сколько у тебя пропусков? Оценку вывести не из чего. Ты приехала учиться или занимать место в общезжитии? Я полагаю, твоему дяде, такому достойному и замечательному человеку, очень неприятно и стыдно покрывать твои прогулы и двойки. Тем не менее, он просит для тебя ещё один шанс. С тобой нянчатся как с малым дитём, а ты и носом не ведёшь. Значит, так, Варламова, я вычёркиваю тебя из чёрных списков. Подтяни оценки к родительскому собранию и не заставляй Владимира Ивановича за тебя краснеть. Ты всё поняла? Тогда свободна.

Около четырёх часов дня в дверь комнаты постучали, и девушки, спешно затушив сигареты, избавились от окурков.

– Оленька, – седой, преклонного возраста мужчина вошёл, держа в руках внушительно набитые пакеты.

– Здравствуйте, Владимир Иванович! – дружно поздоровались девушки, и у всех, кроме Ольги, заметно подскочило настроение в предвкушении обильно заставленного стола всяческими деликатесами. К Олиному относительно равнодушию все привыкли, принимая его за избалованность. Причём за очень скорую избалованность, ведь все ещё помнили, как девушка выглядела на первом курсе: длинная дешёвая юбка, затасканный искусственный свитер и вечно зашитые колготки. Олина мать тянула одна весь воз бытовых проблем, воспитывала ещё двух детей, и все её попытки бороться с пороком мужа- пьяницы заканчивались безрезультатно. Соня знала, что Ольга почти всегда отказывается от денег, вечно последних в мамином кошельке, впроголодь тянет на стипендию весь месяц. На втором году обучения как-то странно неожиданно, но очень кстати у неё появился обеспеченный дядя, с классной машиной и толстым “лопатником” денег. Он проявляет безграничную любовь к племяннице, одевает её и кормит деликатесами и даже охотно посещает родительские собрания, быстро и легко решая студенческие проблемы. И хотя легче было бы назвать его дедом, нежели дядей, пожилой мужчина всё ещё молодился: носил джинсы с “лейбоками”, по моде подстригал седые волосы, впрочем, и фигурой был всё ещё довольно статен.

Ольге беззлобно завидовали и с нетерпением ждали сре-

ды, условно назначенной Владимиром Ивановичем для родственной встречи. В четыре часа дня после опустошения сумок голодными студентками дядя увозил племянницу кататься по магазинам или ещё куда, а к вечеру доставлял обратно. Часто не подобрав ничего из одежды для Ольги, он оставлял ей приличную сумму денег, и Оля следующим утром отправлялась на близлежащую барахолку.

– Владимир Иванович, а что с родительским собранием? – Оля виновато надула губки, пока её подруги увлечённо резали колбасу.

– Ну конечно, Оленька, я постараюсь решить все твои проблемы. Но только тебе хотя бы изредка нужно заниматься. И, пожалуйста, постарайся не устраивать себе семь выходных в неделю, ну за исключением разве только среды, – он многозначительно улыбнулся. – А теперь собирайся, и мы решим, куда сегодня поедем.

На собрание Елизавета Андреевна явилась во всеоружии. После парикмахерской и косметических хитростей она с девичьей застенчивостью предстала перед зеркалом. Её немного смутил пронзительный взгляд из-под густо накрашенных ресниц. Кокетливый локон выгодно прикрыл морщинки на лбу. Элегантный костюм открывал собой новый стиль в одежде Елизаветы Андреевны. Глубокое декольте откровенно демонстрировало высокую грудь, не тронутую детскими губами. Продолжительный вырез на узкой юбке преподносил фигуру женщины по-новому. Самой себе Елизавета

Андреевна показала немного вызывающей, но отметила, что это позволяет ей выглядеть сексапильной, как она того хотела. Выйдя на улицу, женщина стеснительно ссутулилась, не умея преподнести новую внешность и сознательно мерзла без шапки, чтобы не испортить прическу. Но, оказавшись в родных стенах и знакомой среде, под действием комплиментов она охотно приняла решение восхищаться собой. С доверчивой лёгкостью покупалась на лесть сотрудников, не позволяя закрепить мысли, что её статус совсем не тот уровень, который позволяет рассчитывать на искренность.

Во время родительского собрания среди многих серьёзных лиц она замечала только одно, которое, как ей казалось, светилось восхищением, и женщина с блаженством ловила этот свет. Всё было как-то внезапно хорошо. Ей даже не пришлось слишком много стараться, всё получалось само собой, и называлось счастьем быть выбранным.

Он подошёл к ней сам, когда другие начали расходиться, и предложил подвезти.

– Знаете, Елизавета Андреевна, – сказал полковник, останавливая машину у её подъезда, – я, пожалуй, буду почаще заглядывать к вам, если не возражаете. И интересоваться успехами племянницы.

– Вы совершенно правильно сделаете. Милости просим, – ответила женщина и, пересилив желание ещё немного задержаться в салоне автомобиля, ласково улыбнулась на прощанье.

Она на одном дыхании поднялась к себе в квартиру и набрала знакомый номер.

– Лариса, узнала? Да, это я. Здравствуй! Чем занимаешься? Выгляни на балкон, посмотри, не стоит ли чёрная машина у подъезда. Да, да, Земляничникова... Он должен был подъехать. Жду...

Не стоит? Тогда я к тебе забегу. Не против? Хочется поболтать, давно не виделись. Бегу! Жди!

У Елизаветы Андреевны было немало хороших знакомых, но Лариса жила в том же подъезде, что и полковник, с разницей на этаж. Они проговорили до вечера, не вспомнив даже об очередной серии “бразильской мыльной оперы”. Елизавете так хотелось поделиться столь редкой в её жизни новостью и посоветоваться по поводу собственных рассуждений на тему далеко зовущей мечты.

Лариса высунулась из кухонного окна на звук подъехавшей машины. Из чёрной девятки вышли Земляничников и молоденькая светлая девушка.

“Ага, племянница”, – догадалась женщина.

Дядя с племянницей скрылись в подъезде.

Через некоторое время странные звуки, доносившиеся с чужого балкона, заставили женщину снять с плиты сковороду с шумно брызжущим жиром и прислушаться. Любопытство вывело её на балкон. Она наклонилась над перилами и

чуть не уронила свои очки. Прямо́хонько из открытой форточки полковничьей квартиры вылетали совершенно обескураживающие звуки. Надрывный, неживой (будто с телевизора) голос стонал: “О, ес! О, ес, ес!”

Было холодно без одежды, но страшно любопытно. Внимательно прослушав странные вопли, женщина поняла, что её любопытство не будет удовлетворено. Она вернулась в комнату, спешно развязала фартук и прямо в шлёпанцах выскочила из квартиры.

Звонок прозвенел нежно, как свирель. Дверь не открывали долго. Лариса сразу позабывала всё, что придумала заранее, увидев на пороге обнаженного полковника, обёрнутого ниже пояса полотенцем.

– Э-э-э, я... Здравствуйте, Владимир Иванович. Извините, наверное, я не вовремя. Я хотела... Не найдётся ли у вас молотка? Видите ли, там гвоздик...

– Одну минуту...

Он скрылся за дверью.

Прижав молоток к груди, Лариса через две ступеньки побежала к себе и сходу набрала номер подруги:

– Алло, Лиза! – она никак не могла отдышаться. – Ты просто сойдёшь с ума! Такая ужасная новость!

Такого шока Елизавета не испытывала давно. Будучи достаточно зрелым человеком, она, однако пришла в ужас, столкнувшись с незнакомым проявлением реальности. Но незабываемое волнение, пережитое ею несколькими днями

раньше, оказалось настолько значительным, что даже сейчас при воспоминании приводило её в возбуждающий трепет. Как отказаться от красивого ясного плана, подробно и логично расписанного её фантазией? Да и зачем? Она ещё сможет побороться за своё счастье. В её возрасте гораздо труднее что-то обрести, а терять всё равно уже нечего.

Монотонная зубрёжка студентов, рассредоточенных по всей длине училищного коридора, до удивления напоминала назойливое весеннее безритмичье пчелиного роя. Весна. Пора первых зачетов и экзаменов. Вошедший заставил студентов автоматически повернуть головы, оторвавшись от жизненно важных страниц. Соня это сделала дважды. Первый раз – машинально, второй – целенаправленно, как бы убеждаясь в том, что увиденное ей не померещилось. В следующие секунды ноги сами понесли её прочь, не дав времени подумать, заметил ли её вошедший. Она как сумасшедшая вбежала в женский туалет и, встретив удивлённые взгляды куривших, отвернулась и склонилась над раковиной, изображая одолевшую жажду. Дверь снова распахнулась. За Соной спиной произошёл всплеск восклицательных тонов, и все остальные девушки почему-то мигом покинули накуренное помещение. Не успела она смахнуть с губ влагу, как кто-то приблизился. Ощувив знакомый запах опасности, девушка резко обернулась и наткнулась на хищный, обезоруживающий взгляд. Отколотые края раковины впились в по-

звоночник, но Соня продолжала втискиваться в них. Без грубой настойчивости Калина взял её ладошку, разжал пальцы, и между ними скользнуло что-то гладкое и прохладное. Соня с трудом вызволила взгляд из “желтоглазой трясины” и перевела его на собственную ладонь. На безымянном пальце незваным гостем поселилось тонкое колечко с камушком.

– Велико, – немного хрипло и необычно тихо проронил Калина.

– Зачем, Артём? Что это значит? – пролепетала девушка, не до конца освободившись от лёгкого шока.

– Это значит, я хочу взять тебя в жёны.

Она застыла в изумлении, зная наперёд, что ответить ей нечего. Такой исход не являл, как во многих случаях, красивое завершение романа, а скорее напоминал заколачивание в покинутом доме последних окон, впускающих солнце. Больше “волк” не сказал ни слова, взял её за руку и повёл по коридору училища под молчаливым наблюдением прекративших предэкзаменационный галдёж студентов. Он не сказал ни слова и в машине, которой впервые управлял сам, и пока они петляли по незнакомой дороге, где высотки сменились одноэтажными домиками. Он не желал ни о чём спрашивать и ждать нужного ответа. Его слово всегда оставалось последним, где бы ни было произнесено.

Машина остановилась возле “пожилого” дома с маленькими окошками, окружённого свежеевыкрашенным заборчиком.

– Зачем мы сюда приехали? – Соня первой осмелилась заговорить.

– Сейчас узнаешь. Ты сюрпризы любишь?

По узкой, выложенной из камня, тропинке они прошли вдоль ровенького нагого садика, и поднялись по ступенькам. Дверь свободно раскрылась. Послышалось несдержанное оханье, и к порогу спешно вышла суховатая пожилая женщина. Она как-то по-детски склонила голову на бок и сложила ладони перед грудью. Калина шагнул к ней навстречу и ласково прижал её седую голову к своему животу. Женщина была маленького роста и едва доставала до груди человека-зверя. Она всхлипнула, опять как-то по-детски.

– Успокойся, нужды нет плакать. Смотри, кого я тебе привёл. Зовут Софьей. Ну как? Красавица?

Женщина оторвала голову от живота Калины. Снова наклонила её на бок и ласково, даже как-то сладковато посмотрела на Соню.

– Это мама моя.

Да, она была обычной человеческой матерью и от других матерей мало отличалась, разве что улыбка Соне показалась немного странной, будто просящей.

– Веди, сынок, веди невесту в дом!

Соня чувствовала себя частью разыгранной лжи, но шла за Артемом, как марионетка – за кукловодом.

– Садитесь, детки, рядом! Вы друг другу подходите. Кушать хотите? Я картошечку сварю. Знала бы – пироги поста-

вила...

Соня огляделась. По всем полкам и шкафам расставлены фарфоровые статуэтки, расстелены кружевные салфетки. Скатерть, покрывала и даже полотенца изобилуют накрахмаленными кружевами. А обои на стенах комнаты просто обескураживали: розовые с барашками, садиками и птичками.

– Мама, садиться мы не будем. Очень спешим. Софье нужно успеть на экзамен. Знаешь, кто она? Пианистка.

– Ах, это прекрасно! Будет артисткой!

Женщина заулыбалась, искренне обрадовавшись, но тут же отчего-то в лице переменилась и всхлипнула. Странной смене её настроения Артём не удивился и даже не придал значения.

– Мама, благослови нас.

Соня почувствовала, как все внутренности её сжались.

– Сынок, а ты её любишь?

– Я скучаю без неё, мама. Мне не хватает её лица, хотя я запомнил его наизусть. Фигура как у ребёнка, а притягивает с силой магнита.

В разговоре матери и сына Сонино присутствие как бы не подразумевалось.

– Что ж, встаньте на колени, дети мои!

Соня возненавидела себя за свой страх перед Калиной, но на колени опустилась. Человек-зверь сжимал её пальцы. Ей показалось, что строгое молчание святого на старинной иконе отнюдь не на её стороне. Потом опять последовали всхли-

пы, внезапно сменяющиеся на беспричинную радость, и Соне стало ясно, что с психикой женщины не всё в порядке.

На экзамене девушке пришлось собрать всю силу воли, чтобы не думать о случившемся и направить мысли в нужное русло.

Приподнятое настроение от сдачи экзамена внезапно улетучилось, как только Ольга, открыв входную дверь и тут же её захлопнув, безрадостно сообщила:

– Сонь, там Калина.

У Сони опустились руки. “Волк” никуда не уезжал, а дожидался её.

– Не ходи, – советовала подруга, – давай попробуем выбраться в окно.

– Нет, ответила девушка после некоторого колебания, – если поймёт, может быть хуже.

Калина повёз Соню в ресторан, излюбленный братовской публикой, но как оказалось не для того, чтобы подкрепиться. За то время, пока они ехали в машине, человек-зверь успел присвоить себе право распоряжаться жизнью будущей супруги. Жить в общезитии она больше не будет, о подругах стоит забыть. А “в свет” выходить станет только с ним и вращаться в той среде, которую он для неё выберет. Он доверит ей все свои тайны. Это научит её жить по-новому. Ей придётся вникать во многие братовские дела, сначала молча, потом как доведётся. Она станет его Бонни и первой женщиной в бригаде. Он знает, вся братва будет удивлена, и мно-

гим это не придётся по вкусу. И хотя ему нужно считаться с нехитрыми законами группировки, наставлениями брата, более высокого “по должности” и братовской дружбой, в душе он предпочитал оставаться одиноким волком со своими правилами и решениями.

Тут Соня не выдержала и твёрдо заявила, что никто не имеет права распоряжаться её жизнью, что никто не подчинит себе её чувства, что свобода позволила бы ей разобраться в себе больше, чем заточение в стенах, выстроенных на чувстве страха. А потом поймала себя на том, что всё это время просто молчит и слушает шум ветра за стеклом, уносящего её смелые мысли с собой. Она вздохнула и попросила:

– Артём, давай отложим ЗАГС на время. Мне надо родителей подготовить.

– Малыш, какой ЗАГС? Благословление матери крепче любых печатей и церквей, потому что она ближе Бога. А свадьба у нас будет. Самая лучшая, поверь.

За столом уже сидели три короткостриженные “глыбы” с массивными цепями на накаченной шее. На белой скатерти – пухлые кожаные барсетки и автомобильные ключи.

– Малыш, ты сегодня что-нибудь ела? Придётся потерпеть. Есть ещё одно дельце. А потом погуляем.

Снаружи послышался визг тормозов, и стремительной разухабистой походкой вошел крепкий сутулый малый. Словно отчитываясь о сделанном, ловко подкинул ключи от ма-

шины и с хлопком выложил на середину стола. Затоптался на месте, будто собираясь поскорее отчалить.

– А с нами не хочешь поехать, Скобель? – выдержав паузу, спокойно спросил Калина.

– Не-е, Артём, меня не цепляй. Я самую сложную работу сделал. Остальное уж как-нибудь сами.

– Ладно, товар в “шестёрке”?

– В багажнике.

Сутулый тут же исчез. Пропустив первой в салон Софью, братва набилась в “шестёрку”, свои машины оставив у ресторана. Оказавшись за чертой города, “шестёрка” свернула в пролесок и, пропетляв пару сотен метров, остановилась.

– Оставайся здесь, – приглушённо сказал Калина, и Соня повиновалась, проводив их взглядом.

Отходить далеко они не стали, остановились и обступили кольцом черную неглубокую прогалину в земле, заметно выделяющуюся на фоне грязно-белого нерастаявшего снега. Что-то обсудили вполголоса, потом вернулись к машине. Сделав последнюю затяжку, один из амбалов откинул было недокуренную сигарету в сторону, но, подумав, отыскал бычок и положил в карман.

Увидев Соню, вынырнувшую из салона и топчущуюся у машины, Калина усмехнулся, но ничего не сказал. Амбалы раскрыли багажник и, судя по напряжению мышц на их лицах, принялись доставать оттуда что-то тяжёлое и неудобное. Скатившись с багажника, ноша тяжело рухнула в снег, и

из-за колеса “выглянула” чья-то ступня в бардовом ботинке. Соня покрылась мурашками и задрожала всем телом, осознав, что всё это время находилась по соседству с покойником. Труп волоком потащили к прогалине, которая тут же поглотила его. Бандиты принялись ногами скидывать туда комки мёрзлой грязи. Видимо, яма оказалась недостаточных размеров, и безжизненно скрюченные кисти не уместившегося в зловещем квадрате тела ещё какое-то время торчали из чёрно-белого месива восковыми муляжами.

В ресторане Соня к еде не притронулась, с трудом сдерживая приступы тошноты. Только много пила и курила.

Ночью в постели, когда Калина тискал её маленькие груди, она невольно скользнула взглядом по его руке, боясь увидеть на её месте восковой муляж, и вздрогнула от жуткого отвращения. Она сжалась вместо того, чтобы расслабиться, почувствовав, как надрываются все ранки внутри её плоти под напором мощного мужского естества.

Глава 6

Проснулась Соня от лёгкого постукивания капель о стекла. Первый весенний дождь... Она в комнате одна, но бежать теперь бессмысленно и не хочется. Страх и настороженность стали её привычными спутниками и уже не дают толчка к защите. Она полежала ещё минут пять, закрыла глаза и снова заснула. Проснулась от свежевлажного запаха весны. Калина сидел напротив, в длинном расстегнутом пальто с дождевыми бусинками на чёрном драпе и молча ждал её пробуждения.

Соня разрешила себе потянуться в постели и порадоваться двум вещам: её сон грубо не нарушили, а, напротив, посчитались с ним, и секса, наверняка, не будет. Раз человек-зверь не снимает верхнюю одежду, значит, он куда-то спешит.

– Что-то случилось? – спросила девушка полусонно. Ощущение отступающего страха немного побаловало её.

Калина, едва приподняв уголки губ, отрицательно покачал головой.

– Мы куда-то едем?

– Я еду один, а ты сейчас отправишься в общежитие.

– Почему? – она позволила напускной обиде смешаться с чувством радости перед скорой свободой.

– Так надо. Оставаться тебе здесь нельзя, я могу больше

не вернуться.

У Сони от скрытого восторга перехватило дыхание. Она отыскала на измятой простыне свои трусики. Коротенькая комбинация легко скользнула по линиям ещё не оформившегося тела.

Пока Соня распутывала паутинку колготок, Калина подался вперёд. Не спеша, но настойчиво потянул девушку к себе. Та застенчиво скомкала колготки в кулаке.

– Как знать, доведётся ли быть свадьбе или нет, только запомни. Перед матерью моей – ты мне жена. Дождёшься, всё для тебя сделаю на свободе. Захочешь трахаться, я всё понимаю, мало ли мне срок придётся мотать, найди мужика. Но замуж не выходи. Быть женой двух мужей сразу – хуже измены. Детей, смотри, не нагуливай. Я обещал матери подарить внука. Что я забуду тебя – не бойся. Буду любить – сколько дышу.

Он приподнял её и усадил на своё плотное колено.

– А теперь хочу хорошенько насмотреться на тебя.

Ей показалось, что неподвластное уже ей сознание уплывает в желтоглазый омут.

– А теперь пойди, загляни в верхний ящик под зеркалом, – он слегка подтолкнул её ладонью.

Соня выдвинула ящик и присела на корточки перед ворохом бумаг и мелких вещей.

– Ты покопайся, покопайся.

Сонины пальцы, осторожно вороша содержимое, наткну-

лись на что-то твёрдое и холодное и вытянули на поверхность... пистолет.

– Это ты его убил? – она качнулась.

– Кого?

– Ну, там, в лесу...

– Не я.

Соня повертела пистолет в руках, набираясь впечатлений от первого прикосновения к спящей в холодном металле смерти.

– Неси его сюда и слушай внимательно. Видишь по обе стороны комнатной двери наличники? Если левый, что у стены, оторвать, откроется небольшой тайник. Эта железная игрушка будет лежать там. Если понадобится, придёшь-возьмёшь. Ключ от хаты возьми себе. О ней мало кто знает, здесь прописан совсем другой человек. Не волнуйся, его ты здесь никогда не увидишь.

За это утро он больше к Софье не прикоснулся и уже в машине, подъезжая к общежитию, на прощанье произнёс:

– Увидимся, жена. До встречи.

Софья никогда раньше не замечала, как легко и приятно вдыхается свобода. Первой в общаге её встретила Светка и сразу ошарашила новостью:

– Знаешь, какое у нас ЧП? Дядя Ольги Варламовой – во-все не дядя, а, не поверишь, любовничек. Кстати, ты заметила, как она одевается в последнее время? Не хило, правда?

А за какие заслуги все это? Не догадываешься?

К сообщению Светки добавила ещё немало деталей Наташка:

– Якобы директриса Лизавета застала их голыми в какой-то квартире или ещё где. А может и ничего такого не было. Но факт, что Оля со стариком ля-ля. Ну, старик даёт! В общем, Лизавета вызвала к себе старосту и поручила ей вынести вопрос об Олином развратном поведении на товарищеский суд. Представь, а наша Лера-холера растрепала всей общаге целый роман собственного сочинения. Все тычут на Олю пальцем, а она закрылась в душе, сидит уже битый час и выходить не хочет.

Софья без стука вошла к “холерикам”. Так нарекли вездесущую старосту Лерку и её компанию. Все они были отличницами и безумно гордились этим. Впрочем, гордиться чем-то ещё у них не получалось. Мальчишки на пресных “холериков” внимания не обращали, тем более все они были маломерками, не ходили на дискотеки, не делали макияж и оправдывали это тем, что правильно живут.

– Ну что, староста, зубришь?

– Алабина, предупреждаю сразу, списать не дам.

– А кто тебе сказал, что мне от тебя что-то нужно? Я просто пришла выразить благодарность за твой героический поступок. Партия доверила тебе высокое звание стукачки, и ты его оправдала!

– А ты знаешь, что я попросила Лизавету родителей Ольги

не вызывать, чтобы они ничего не узнали.

– Благородно, нечего сказать. Только я почему-то уверена, что ты и до них донесёшь, не расплескаешь!

Последнее, что увидели “холерики” перед внушительным хлопком двери, была Сонина уничижающая улыбка.

Молчаливое присутствие Ольги в кабинке душа выдавал лишь табачный туман, неровным облаком выползающий в пространство.

– Оля, открой, это Софья.

Полминуты никакой реакции, затем щёлкнула задвижка. Девушка, примостившись на подоконнике, то и дело дрожащими пальцами подносила сигарету к губам. На подругу она даже не взглянула. Её лицо с чёрными полосками размазанной туши выглядело отрешённым.

– Тебе не стыдно? – Сонин голос прозвучал слишком резко в привычной тишине, баюкающий Олино горе.

Та вскинула голову. Она приготовилась к утешениям и очень удивилась тону подруги.

– Все сигареты выкурила, ничего нам не оставила. А мы что курить будем? Не хочешь поделиться?

Соня двумя пальчиками отняла у девушки дымящийся бычок и кинула в мусорную корзину на заметную горку окурков.

– Вскинь голову, подруга. Это твоя жизнь, и не позволяй никому в неё соваться. Каждый выбирает то, что ему нужно. Кто так не может – завидует. Кто не понимает – осуждает,

пока сам не столкнется с выбором. Это как трата денег: поначалу потраченную сумму жалко, но раз выбор остановлен на покупке, значит, она важнее бессмысленных бумажек в кошельке. Ты поступила, как сочла нужным. А все товарищеские суды – чепуха. Мораль – вовсе не истина. Иногда, хотя бы денёк, хочется пожить не по правилам: надоедает сутиться в общей толпе. Кроме того, осуждение проступков других людей – уже проступок. Я лично так считаю.

Соня сделала передышку, поразившись своему красноречию. Ольга уткнулась ей в плечо тёплой влажной щекой и принялась оправдываться, всхлипывая ещё какое-то время.

Всё началось случайно и произошло само собой. Полковник увидел Олю зимой мёрзнувшей на остановке. Бояться рядом с пожилым интеллигентным человеком ей было нечего, и она охотно забралась в тёплый салон с желанием отогреться. На пути полковник остановился у гастронома. Вернулся с аппетитно “пухлыми” свёртками и очень просто, без нарочитости и скрытого подвоха предложил девушке взять кое-что из продуктов. Не дав ей даже попытки отказаться, он доверительно, словно Олю знал давно, выразил своё сочувствие по поводу студенческого чувства голода. Его искренняя забота тронула девушку, и она приняла подарки с желанием сделать приятным старику его милосердие. Потом она случайно, а вполне возможно и не случайно, столкнулась с ним в отделе кожгалантереи, рассматривая сумочку, казавшуюся ей настоящим шедевром. Свободный взмах купюр и

мгновенно превратившаяся в реальность мечта околдовали девушку. Она приняла и этот подарок. Ей казалось, что такое лёгкое и безоглядное расставание с деньгами ради нее не выходит за рамки приличий.

А однажды старик ласково и спокойно, словно рассказывая сказку, произнёс:

– Мне так нужна твоя ласка! Ты стала для меня подарком судьбы. Я буду прилежным исполнителем твоих желаний. Ты будешь хорошо питаться и носить красивую одежду. Ты этого достойна больше, чем многие другие.

Слова его были такими добрыми, что чаша весов всех возможных положительных результатов от такого союза в Ольгиных размышлениях перетянула. Днём встречи была назначена среда. Обязательным прологом к основному действию служила кассета с порнофильмом. В то время видеомагнитофоны считались всё ещё роскошью, и невиданные, глубоко поражающие сознание зрелища распалили девушку почти до животной страсти. Освобождённая от стеснения, Ольга охотно принимала удовлетворяющие ласки старика, никогда, однако, не добавляя поцелуя в губы. Лишь упрямого физического натиска требовала её разгорячённая плоть.

Каждый раз полковник строго просил девушку не встречаться с мальчиками вечерами. Презервативами Владимир Иванович никогда не пользовался, считая это помехой к сближению, поэтому очень боялся в старости заболеть постыдными болезнями. Он вполне понимал, что Оленька по-

ведёт себя столь же податливо и с другими.

– Самое странное, – делилась впечатлениями Ольга, – что пока никто не узнал об этом, никакого стыда и сожаления я не испытывала. А теперь ощущения такие, что уже не отмоюсь.

– Ерунда, – возразила Софья. – Бог видит всегда. От того, знают ли окружающие много или мало о тебе, факты не меняются.

– Красиво говорить куда легче...

– Скажи, если вернуть время назад, ты пошла бы на это снова?

– Не знаю. Наверное, да...

– Вот видишь. В твоих переживаниях смысла нет.

– Если честно, то мне жаль, что всё раскрылось. Не хочется потерять денежный источник. За это время старик потратил на меня... Сейчас посчитаю... впрочем, не важно. Только всё моё старое барахло, вместе взятое, стоит во много раз меньше. Смогу ли я теперь надеть его на себя? А вы смогли бы?

– Слушай, а не найдётся ли и для меня друга у Земляничникова? Мне тоже нужны деньги.

И чтобы Ольга не приняла её слова только за поддержку, добавила:

– Многих девушек, чем-то обделённых, к примеру, внешностью, жизнь не особенно балует выбором. У нас выбор есть всегда и, наверняка, не для того, чтобы им не воспользо-

зоваться. Проститутками мы стать не успеем, зато чему-нибудь научимся. Да?

Экзамен Соня сдала слабо, но, главное, зацепилась за тройку. В той среде, которая её привлекала, оценки считались не самым важным достоинством, а совмещать приятное с полезным почти не удавалось: приятное перевешивало. Но и скучной пятёрочной жизни “холериков” никто не завидовал.

Всё складывалось удачно. Двоек нет. Только один экзамен на пересдачу (преподаватель захлопнул зачетку без какого-либо росчерка). Калина не появляется уже две недели. Про помолвку Софья и думать забыла. Замуж за дьявола – вот бред! Нет, это всё несерьёзно.

Подруги вынырнули из музыкального “склепа” на весеннее солнце. Вдруг Софья остановилась и уставилась на “шестёрку”, стоявшую прямо у здания. И цвет, и номера были знакомы... Соня даже скользнула взглядом по заднему бамперу, невольно ища следы, оставленные смертью. Девушка не сомневалась, что из открывшейся при их появлении водительской двери покажется Калина, но вышел Лукавый. Весь непохожий на себя: небывало сосредоточенный. Взглянул на Соню и стал каким-то кисло-сладким, как при первом её появлении в компании Калины. Отозвал в сторону, с полминуты пожирал глазами, теребил в пальцах ключи... Потом внезапно кисло-сладкое выражение “смыл” и грустно насупил-

ся.

– Значит, вот что... Калины больше с нами нет.

– Он умер? – Софья была ошарашена, но, явно, не горькой участью “возлюбленного”.

– Умер? Когда? Что за лажа? Зачем ему умирать? Попал он, в общем, засветился. В тюрьме он.

– За убийство?

– Да с чего ты взяла? За кражу. Никто не может понять, зачем ему это понадобилось. Он такими делами никогда не занимался. Да и попался уж очень легко. Не в его стиле такие проколы.

Соня для порядка опустила голову и скорбно помолчала.

– Когда Артёма можно будет повидать, я тебя к нему отведу. Если что понадобится или кто-то беспокоить будет, найдёшь меня в “Подкове”.

Экзамены закончились, все разъехались по домам. Все, кроме нескольких человек во главе с Софьей. Наступило время отместить в сторону обузу сидеть за книгами и фортепиано и предаться головокружительной, такой сладкой и бесконтрольной свободе! словно отыгрываясь за свою поруганную свободу, Соня нырнула с головой в омут молодёжных круговертей, не допуская ничего стандартно скучного в жизненную хаотичность. Родители и бабушка Ирма будут ждать от неё телеграммы, чтобы встретить в Краснодаре с поезда.

Пусть думают, что весь июль у их чада практика и выступления. А она ещё немного поживёт без охраны взрослых!

Город был у её ног. Поклонники “повылезали” из углов, где таились до этого от опасности, исходящей от “меченой” бандитом красавицы. Можно ли теперь не поддаться искушению рассмотреть поближе лакомый кусочек, приглянувшийся не кому-нибудь, а самому Калине? На Соню тарачили глаза, расплывались в улыбке и лезли из кожи вон, чтобы обратить на себя ее внимание. Раньше она была просто одной из смазливых девчонок города, а после Калины её статус преумножился и подогрел мужское любопытство. Соня с кокетливой игривостью и по большому счёту с желанием не раздумывать над своими поступками, совершала порок за пороком, считая, что качается на волнах красивой, современной жизни.

Во вторник Ольга позвонила своему полковнику. Тот задумался над её предложением и решил принять.

Филипп Николаевич, майор милиции в отставке привлекательной внешностью не отличался. Он был моложе Земляничникова, но гораздо противней: красная шершавая кожа, ввалившиеся щёки, бесцветные маленькие глазки. Филипп Николаевич восседал за столом, заставленным всякими деликатесами: грудинка, вырезки, хорошие консервы, фрукты, шоколад, вино. Сначала разговор не клеился. Попытки майора по-дружески обнять Соню выглядели неестественно. Когда в ход пошла видеокассета понятного назначения, он вы-

тянул Соню из-за стола и за руку вывел из комнаты.

– Ты хочешь со мной уединиться? – спросил мужчина, включая свет в ванной. Соня пожалала плечами. Она ещё не до конца поняла, чего она сегодня хочет и хочет ли вообще. Любопытно было попробовать себя в новой сцене. Задвижка щёлкнула изнутри тесной комнаты.

– Ты когда-нибудь делала это?

– Не-а.

– Опускайся на колени, на коврик.

Соне это не очень понравилось. Однако она вспомнила, что её волю не отбирают, а покупают за деньги. Майор раздвинул полы пиджака и расстегнул ширинку. Лёгкую неприязнь развеял тонкий запах дорогого одеколона, донёсшийся из ширинки. Видимо, мужчина тщательно подготовился к волнующей процедуре. Соня хмыкнула. Единственные чувства, которые она испытывала в тот момент, были любопытство и интерес к наличию собственных способностей такого рода. Отношение её к обладателю “учебного пособия” было равнодушным. Он не возбуждал в ней страсть, не смущал, не мешал. Соня быстро вошла в роль, навеянную порносценой, и не стеснялась проявлять фантазии. Но вдруг послышался хриплый стон, и майор качнулся, потеряв равновесие. Соне его стон не понравился. Он напомнил, что у данного предмета есть хозяин, который так не кстати оказался лишним наблюдателем. Соня потеряла всякий интерес к новому делу, поднялась с колен и капризно заявила:

– Всё, больше не хочу. Надоело.

Майор состроил кислую мину и застегнул ширинку. Не глядя на девушку, достал из кармана брюк мятые бумажки и вложил в её руку. Молча вышел из ванной и через десять минут уехал.

Дверь в комнату оказалась закрытой. Полковник и Ольга находились ещё там. Соня тихо прошла на кухню в одиночестве коротать время. Смятые купюры было противно даже расправлять. Их хватило бы разве что на вход в танцзал. Нет, больше таким способом она зарабатывать не будет.

Полковник повёз девушек в общежитие. Спускаясь по ступеням ресторана “Подкова”, Лукавый повернул голову в сторону проезжающей мимо серой “девятки”.

Глава 7

В следующую среду Оля нажала на звонок, пропевший свирелью. Дверь открыли не сразу. Наконец, на пороге появился Владимир Иванович. Ольга по привычке хотела шагнуть вперёд, но остановилась. Что-то было не так... В его растерянном виде, нервном топтании на месте... Старик не спешил пригласить девушку войти, как раньше, и заговорил тише обычного, словно его могли подслушать:

– Оленька, давай перенесём нашу встречу. Позвони завтра или лучше послезавтра.

Ольга кивнула и в последний момент перед тем, как дверь закрылась, заметила в прихожей женские коричневые лакированные туфли.

На Олины звонки старик отвечал уклончиво, “кормил” её “завтраками”, пока, наконец, она сама не поняла, что её оставили. Долго по этому поводу Оленька не переживала. Судьба лишила её трудного выбора и распорядилась сама. С одной стороны – денежная нужда, с другой – распутство. Что предпочесть юному сердцу, открытому навстречу всему неизведанному с бесстрашием совершить ошибку?

Пока Соня тряслась у кабинета перед экзаменом (это был последний срок пересдачи), неотъемлемая частица её студенческой жизни Оленька сбегала за пирожными. Соня ела медленно, неаппетитно и в конце концов отдала оставшийся

кусочек Светке, любительнице набить свой и без того плотненький животик, у которой от волнений аппетита не поубавилось.

По пустынному училищному коридору процокали каблучки, и перед девушками остановилась сияющая директриса.

– Ну что, красавицы, волнуетесь?

Те дружно закивали.

– Смотрите-ка, у озорниц тоже, оказывается, есть ответственность, – она просто расточала внимание и доброту. Ольга приоткрыла ротик, чтобы отхватить ещё один лакомый кусочек, как тут же застыла в этом положении: Елизавета ласково подмигнула и бойко развернулась на каблучках, сверкнув лакированной поверхностью знакомых коричневых туфель.

– А чего она такая весёлая? Не заболела ли случаем? – спросила Светка у “танцующей” со шваброй вахтёрши.

Соня хихикнула.

– Так замуж Елизавета Андреевна собирается. Вот уже в следующую субботу.

– А за кого?

– Говорят, за полковника вроде...

Соня украдкой посмотрела на открытый Оленькин рот, а Светка даже присвистнула.

После долгих томительных схваток, наконец, родилась тройка, и две подруги устроились на скамье у сквера с ба-

ночкой пива отметить её рождение. Закурили, заметив, что сигарета вытягивает из интимных подробностей ещё более подробные интимности.

Пролетевшая мимо “шестёрка” вдруг затормозила и развернулась.

– Вон та тёмненькая и есть Калинина пассия, – Лукавый внезапно загрустил.

– Любопытная подруга. Наверное, неслучайно Калина на ней затормозился. Вторая тоже ничего, – глаза Дрона жадно заблестели. – Берём котят на борт?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.